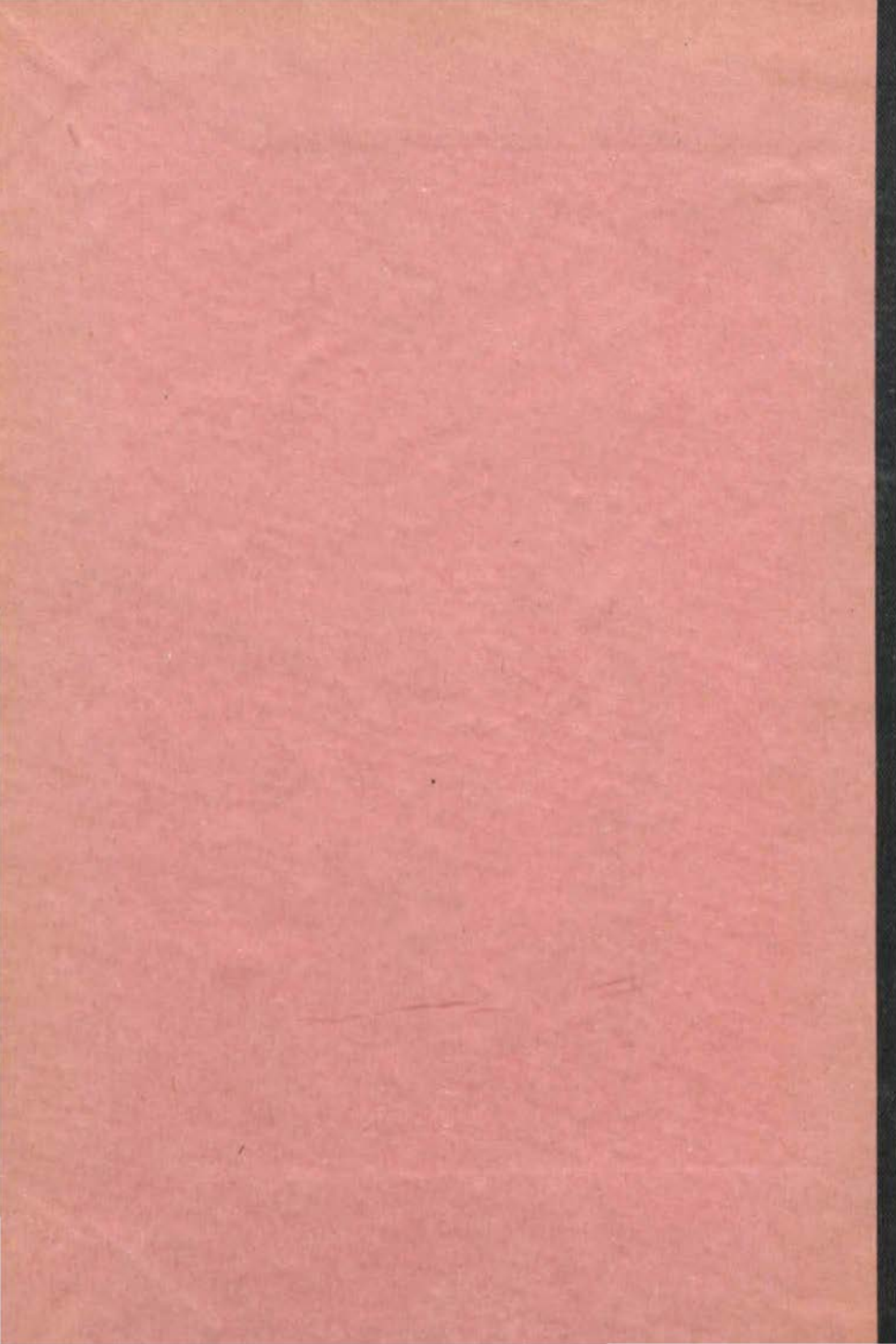

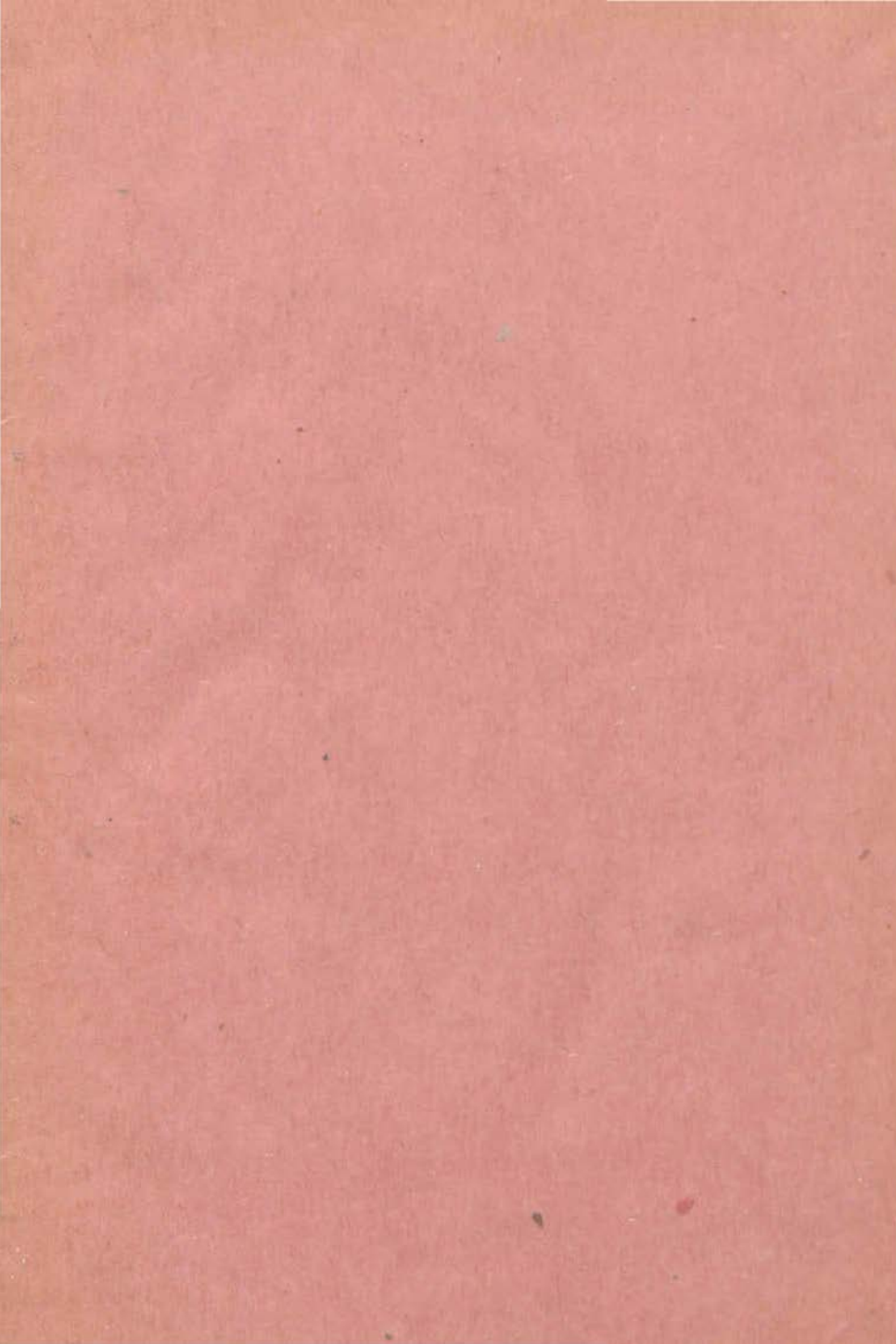
КАПЕЛКО

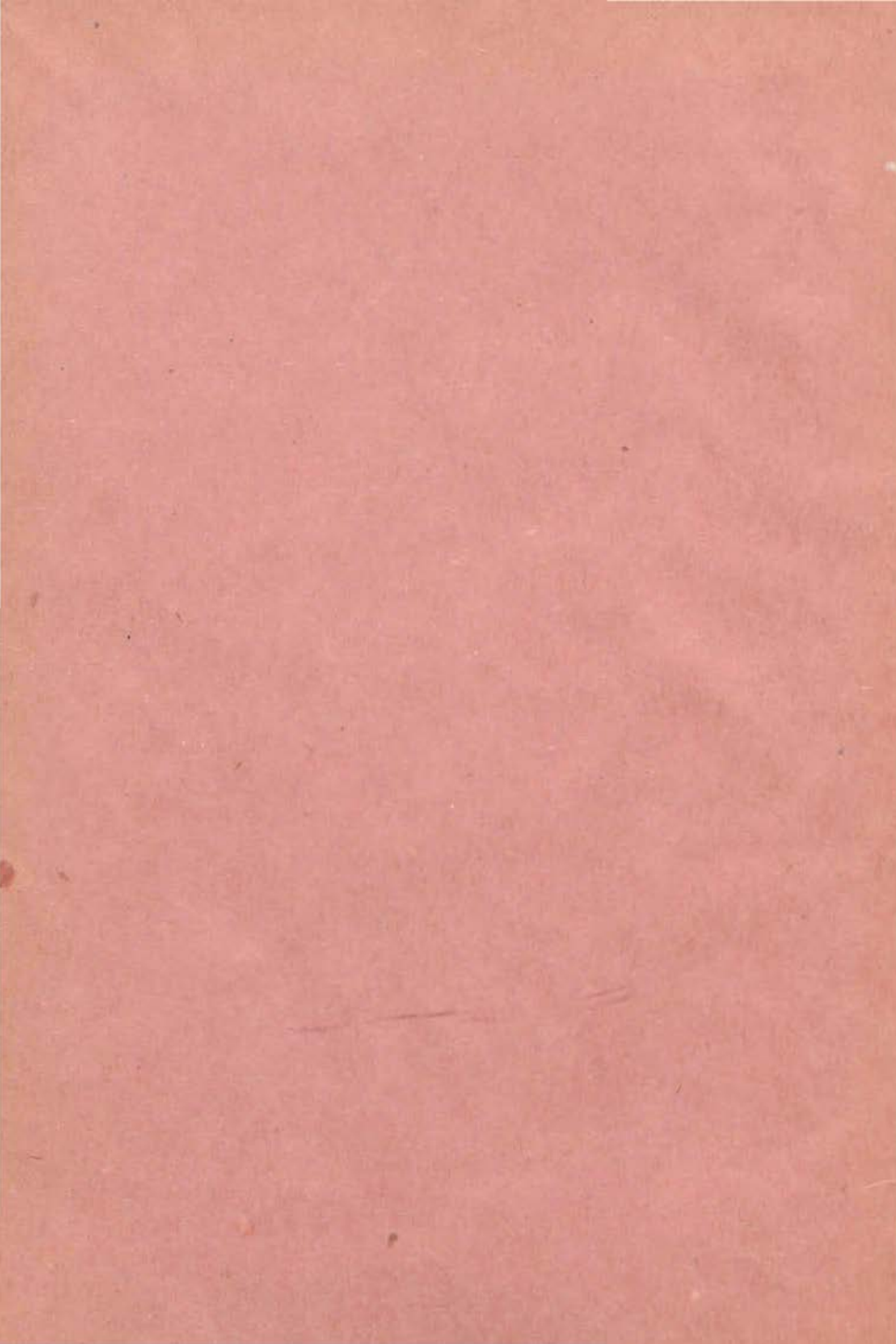
БЕСЕДА О БРАКЕ
И
СЕМЬЕ

W 189

131

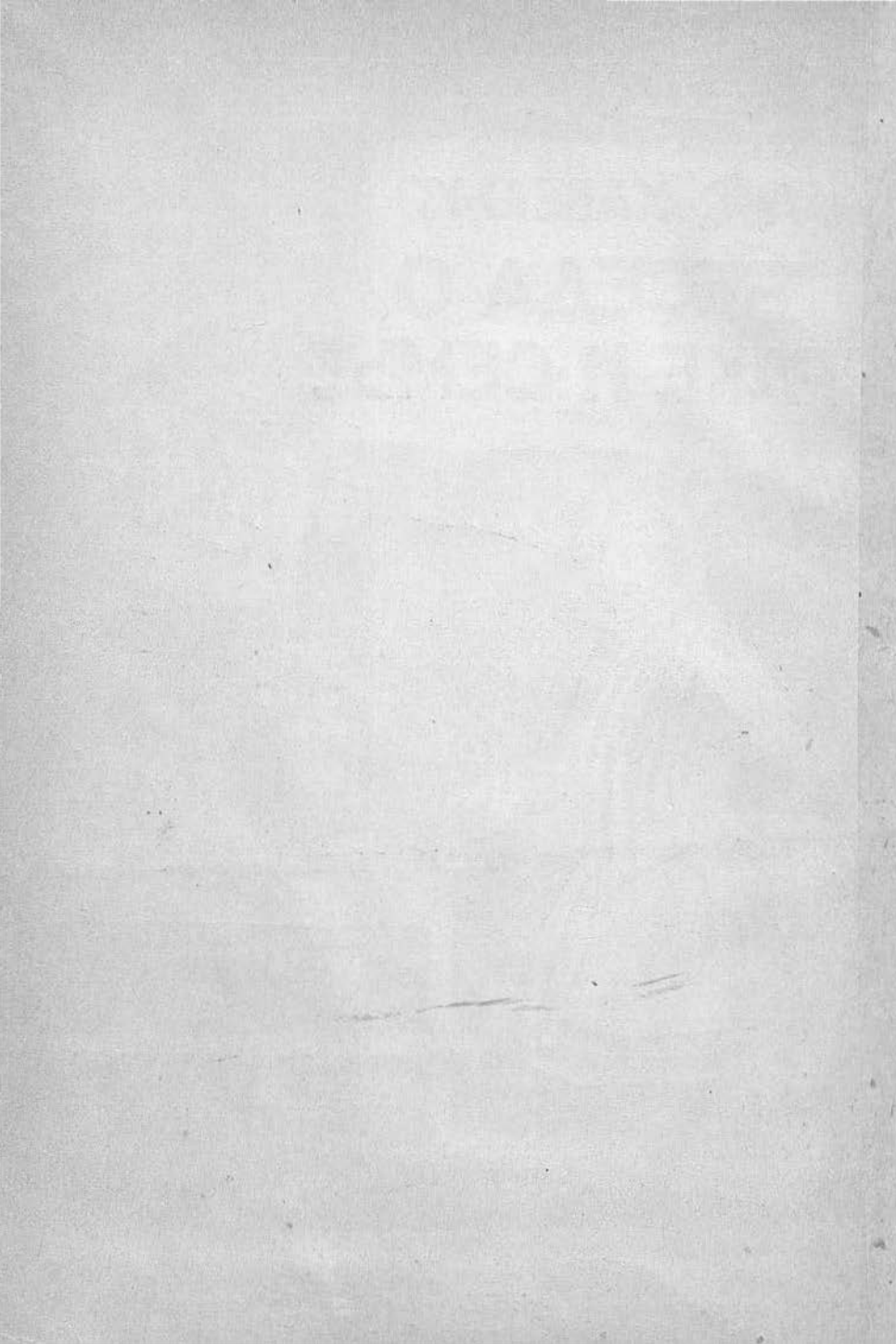
ЗА НОВЫЙ БЫТ

189
W 131
А. С. КАПЕЛЬКО

БЕСЕДА О БРАКЕ И СЕМЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДОЛОИ НЕГРАМОТНОСТЬ“

W 189
131

А. С. КАПЕЛЬКО

Б Е С Е Д Ы
О Б РАКЕ И СЕМЬЕ

XXVII-30393.

«ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ»
МОСКВА — 1927 — ЛЕНИНГРАД

Типография
и Словолития
„КРАСНАЯ ПРЕСНЯ“
М. Грузинская ул.,
Столярный,
№ 5-7.

2011096549

Главлит № 81841.

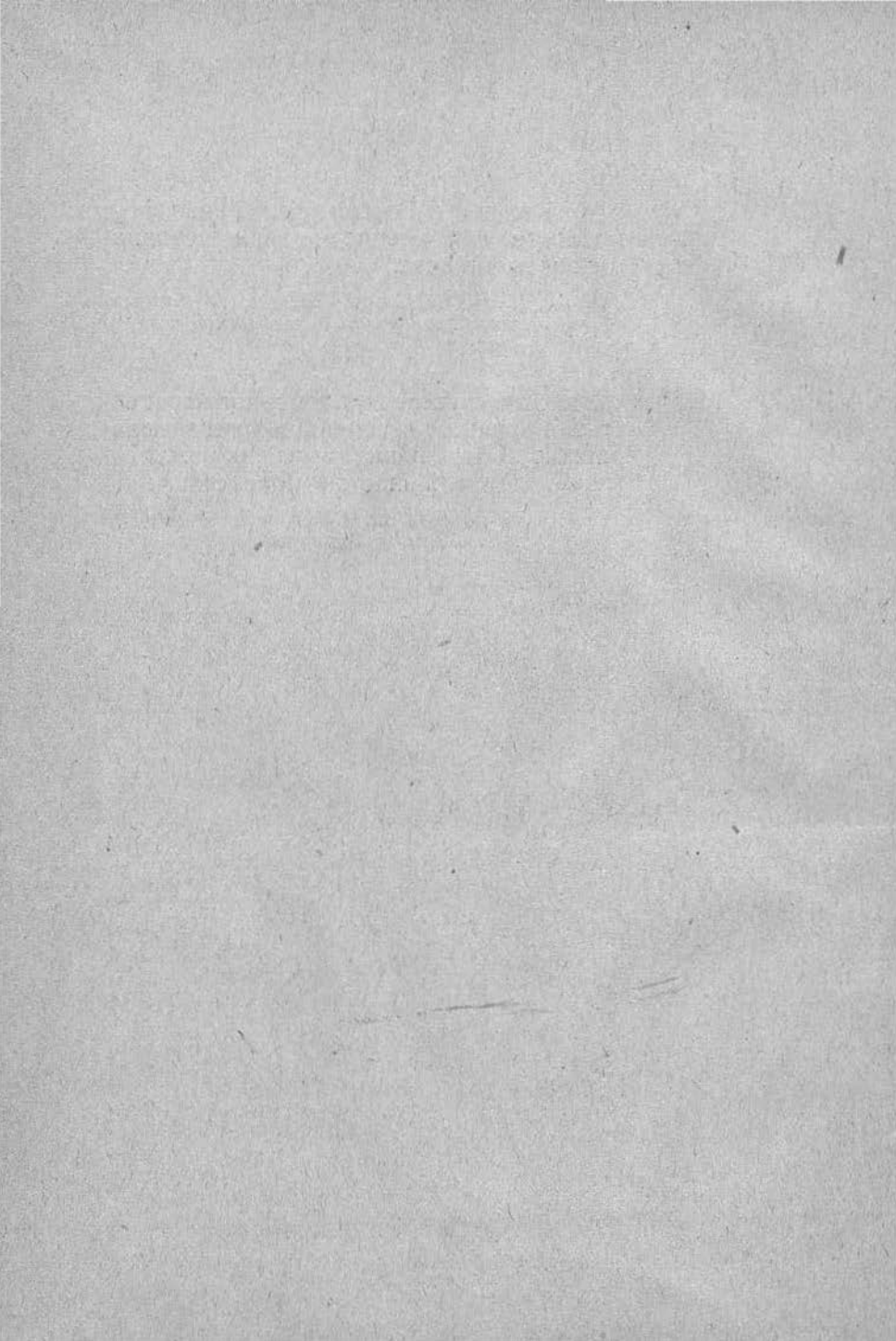
Тираж 10.000 экз.

«У нас нет в России такой низости и подлости как бесправие или неравноправие женщины...»

Н. ЛЕНИН, т. XVIII, ч. 1, „К четырехлетней годовщине Октябрьской революции“.

«...гнусное, подлое и лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено советской властью полностью».

Н. ЛЕНИН, т. XVIII, ч. 1, „Международный день работницы“.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

ОТ СТАРОЙ СЕМЬИ К НОВОЙ

Октябрьская революция провела резкую грань между старой и новой Россией. В новой России выросла новая жизнь. Она в корне отличается от жизни старой России и государственным устройством, и организацией народного хозяйства, и бытом. Все мы знаем, каких усилий, жертв и крови стоило рабочим и крестьянам завоевание этой новой жизни. Отчаянно боролись за старую жизнь ее прежние хозяева, но все их усилия оказались напрасными. Старая жизнь умерла и нет такого лекаря, который мог бы оживить ее.

Посмотрим, как это произошло.

До Октябрьской революции хозяевами в нашей стране были собственники. В их руках находилась власть. Они устанавливали законы и строили жизнь так, как было выгодней и удобней им, собственникам. После Октябрьской революции хозяевами в стране стали пролетарии — рабочие и бедняки-крестьяне. К ним перешла власть. Они стали устанавливать законы и строить жизнь так, как выгодно и удобно трудящимся.

Поэтому-то так и отличается прежняя старая жизнь, жизнь дореволюционной России, от теперешней новой жизни, жизни СССР.

Прежние хозяева-собственники строили хозяйство на чужом труде. На фабрикантов и заводчиков работали рабочие, на помещиков и кулаков—бедняки крестьяне. Собственник был полным и безответственным хозяином, а рабочий и бедняк-крестьянин—его наймитом, рабом. Отношения хозяина и наймита были основой всей хозяйственной жизни старой России. Особенно наглядно эти отношения проявлялись в жизни деревни. Там помещики и кулаки, крупные и мелкие земельные собственники, были полными хозяевами. Остальная деревенская масса, крестьяне-бедняки и середняки, жили в постоянной кабале этих царьков деревни. Зависимость и рабство царили и в низовой хозяйственной ячейке, в крестьянской семье. Полновластный домохозяин, глава семьи, был собственником всего имущества двора. Остальные члены семьи, жена, дети и родственники его и его жены зависели от него. Хорошо известно, как велика была эта зависимость членов крестьянской семьи от домохозяина. Власти домохозяина почти не было пределов. Она распространялась не только на имущество семьи, но и на личность каждого члена семьи. Глава семьи мог прогнать от себя жену или принудить ее жить у себя против ее воли, он мог выгнать из дому

«непокорного» сына или дочь, мог невозбранно бить жену и детей и т. д. Защиты обиженным искать было негде, потому что законы и суды были всецело на стороне главы семьи. Кроме того, его защищала и церковь. Проповедуя покорность и смирение, она угрожала божьей карой и муками ада всем, кто вздумает поступить иначе. При таких условиях в некоторых семьях глава семьи становился тираном, перед которым трепетали все члены семьи.

Новый хозяин в стране, рабочий и бедняк-крестьянин, стал строить жизнь иначе. Первым его делом было упразднение частной собственности на земли, леса, фабрики и заводы. С упразднением собственности коренным образом изменились взаимоотношения двух классов деревни.

У бывшего помещика и у кулака выпало из рук орудие, которым он закрепощал крестьян. Крестьяне бедняки и середняки, получив землю, из наймитов и рабов превратились в свободных хозяев и граждан. Дух рабства, которым прежде была насквозь проникнута жизнь деревни, сменился духом свободы. Прежний наймит и раб почувствовал себя свободным гражданином. Такая же коренная перемена произошла и в жизни хозяйственной ячейки деревни, в жизни крестьянской семьи. В прежнее время землей, инвентарем и всем имуществом двора единолично распоряжался глава семьи. Теперь все это принадлежит

не единолично главе семьи, а всему крестьянскому двору, т.-е. всем членам семьи. Только с их общего согласия глава семьи может теперь распоряжаться имуществом двора. Каждый член двора имеет теперь право выйти из состава двора и потребовать выдела своей доли из имущества. Как бы глава семьи ни противился этому, он ничего поделать не может. Теперь он не встретит прежней поддержки ни со стороны закона, ни со стороны суда. Не поможет теперь ему и сообщница угнетателей — церковь. Ее сказкам о каре божией за непокорность и неповиновение главе семьи не поверит уже ни один сознательный человек. Теперь глава семьи может быть лишен даже и того влияния, которое дает ему его положение домохозяина. По просьбе членов двора волисполком может сменить зарвавшегося домохозяина и назначить домохозяином другого члена двора. Грозный домовладыка прежнего времени превратился теперь в такого же члена семьи, как и все остальные. Он отличается от них только тем, что обычно исполняет обязанности домохозяина. Однако это несколько не возвышает его над другими членами семьи и не дает ему никакой власти над ними. Зато другие члены семьи, жена и дети, стали теперь равноправными членами семьи, раскрепостились от власти главы семьи. Из прежних рабов главы семьи они стали свободными членами маленького хозяйственно-трудового

коллектива. Этот коллектив является основой новой крестьянской семьи и называется крестьянским двором.

1. Кому до революции в крестьянском хозяйстве принадлежало все имущество, и кто им распоряжался?

2. Как распоряжается теперь имуществом крестьянский двор?

3. Как закон защищает членов крестьянской семьи от произвола домохозяина?

БЕСЕДА ВТОРАЯ

БРАК В СТАРОЙ РОССИИ

Из первой беседы мы уже знаем, какое огромное значение в дореволюционной России имела частная собственность. Собственность давала людям и почет и власть. Чем крупнее был собственник, тем больше ему было почета и тем больше у него было власти. Недаром бывшие цари у нас были самыми крупными собственниками. Человек же, не имевший собственности, и за человека не считался. Помещик, самый крупный собственник в деревне, был и первым человеком. За ним шел кулак; у него было меньше собственности, потому меньше почета и власти. Крестьянин же бедняк; у которого совсем не было собственности, ни во что не ставился. Неудивительно, что каждый собственник стремился к тому, чтобы приумножить свою собственность при каждом удобном случае. Такой удобный случай наступал в семье, когда приходила пора женить сына. Женильба сына явно увеличивала благополучие двора. Прибывала молодая рабочая сила, а кроме того, увеличивалась и казна главы семьи, потому

что даже самая плохая невеста приносила с собой приданое. С выдачей замуж дочери двор лишался рабочей силы. Глава семьи вынужден был расходовать на приданое, так что собственность его в этом случае уменьшалась. Поэтому, выдавая замуж дочь, глава семьи старался возместить имущественную потерю другими выгодами: родством с богатым и влиятельным зятем. В обоих случаях, и при женитьбе сына, и при выдаче замуж дочери, имелись в виду исключительно те выгоды, которые глава семьи может извлечь из брака. С желаниями брачующихся не считались, о любви их не спрашивали. Считалось, что любовь дело второстепенное, она потом придет. «Свыкнется—слюбится», «Нам с лица не воду пить, и с корявой можно жить» — говорят пословицы старого времени.

Судьба жениха и невесты решалась за них родителями. Решающая роль принадлежала обычно главе семьи. Все было устроено так, что брачующиеся не могли и не имели права сами распоряжаться своей судьбой. Закон запрещал детям вступать в брак без согласия родителей. Церковь учила, что такой порядок заключения брака установлен самим богом.

Легко понять, что брак, который заключен против воли брачующихся, не может быть прочным. Поэтому были приняты все меры к тому, чтобы муж и жена не вздумали нарушить брака.

С этой целью брак был поставлен под опеку церкви. Она была верной и надежной союзницей старого строя. Еще с детства она вбивала всем в голову мысль, что брак—святое таинство, что брачующиеся соединяются на веки, и что раз'единить их никто уже не может, потому что «что бог соединяет, того человек не раз'единяет». Закон допускал развод лишь в очень редких случаях и с большими затруднениями. Он был почти невозможен, а для крестьян просто не доступен. При таких условиях брак превращался в ярмо, которое надевалось на юношей и девушек на пороге их самостоятельной жизни. Они смутно чувствовали всю фальшь брака, но не могли осознать этого. Головы их были затуманены всеми пережитками старого строя жизни.

Особенно тяжело это ярмо было для женщины. Для мужчины брак открывал возможность самостоятельной жизни. Он мог отделиться от отца и сделаться независимым главой семьи. Он начинал хозяйничать, накапливать добро, участвовать в общественной жизни и пр. Женщине же брак сулил только плохое. Она отрывалась от жизни в родительском доме, с которой она уже свыклась. Она навсегда отдавалась под власть человека, которого она не любит и часто даже не знает. Она чувствовала, что брак—могила ее девичьей свободы. Поэтому-то не радостью,

а грустью проникнуты думы и песни девушки
о замужестве.

„Велел родимый батюшка,
Благословила матушка,
Поставили родители
К дубовому столу.
С краями чары налили:
„Бери поднос, гостей-чужан
С поклоном обноси!“
В первой я поклонилась—
Вздрогнули ноги резвые,
Второй я поклонилась—
Поблекло бело личенько;
Я в третий поклонилась—
И волюшка скатилась
С девичьей головы.“

„У суда стоять—
Ломит ноженьки;
Под венцом стоять—
Голова болит“...

„Всю ночь я продумала...
— Оставь,— я парню молвила...
Я в подневолье с волюшки,
Бог видит, не пойду!..“

Не весельем, а грустью проникнут девичник,
тот последний вечер, который проводит помол-
вленная со своими подругами девушка. Особен-
но ярко обнаруживается душевное состояние

невесты в обряде, который хорошо известен всем жителям деревни и который называется проводами. Подруги невесты одевают ее к венцу, расчесывают ей волосы и поют грустные прощальные песни. Все это показывает, что, как ни тяжела бывала жизнь девушки в родительском доме, но в замужестве ее ожидала еще худшая жизнь. По сравнению с ней и девичья жизнь казалась ей свободой, которую навсегда отнимал у нее брак.

Брак в старой семье — торговая сделка. Отличается от обычных торговых сделок она только тем, что товаром здесь является живой человек. Глава одной семьи покупает товар (невесту) у главы другой семьи. Прежде чем купить, торгуются. Торг происходит при посредстве опытных посредников, свах и сватов (в обычных торговых сделках такие посредники называются маклерами). При этом ценится не столько самый товар, сколько те выгоды, которые он с собой приносит. Жених из богатой и влиятельной семьи считается хорошим товаром, из бедной семьи — плохим. Девушка без приданого в очень редких случаях находит покупателя и почти всегда на всю жизнь остается в «девках». Прежде чем окончательно совершить сделку, купцы основательно осматривают товар на так называемых смотринах. Вот как говорит об этом песня:

„Родимый мой батюшка!
Что у тебя за пиры были,
Что за беседушка?
Что за купцы были,
Что за торговые?
Уж сама знаю, ведаю,
Уж сама-то я догадалась:
Торговали, закупали
Буйную мою головушку“.

И, наконец, когда стороны договорятся, сделка закрепляется купчей крепостью — церковным браком.

В этой отвратительной сделке, купле-продаже страдательным лицом является женщина. Покупает товар обычно отец жениха. Жених, хотя сам и не при чем (покупает не он, а его отец), все же не чувствует себя столь приниженным, как невеста.

Браком начинала крестьянская женщина в старом быту свою многострадальную жизнь замужней крестьянки.

1. Что значит выражение свах — «у вас товар,—у нас купец»?

2. Как объяснить обряды старого брака (сватовство через свах, смотрины)?

3. Почему до революции вопрос о браке решался родителями?

4. Почему до революции брак совершался при участии церкви?

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

НОВЫЙ БРАК

Советская власть под руководством коммунистической партии строит жизнь по линии освобождения человека от угнетения его другим человеком. Она уничтожила главное средство угнетения человека человеком — частную собственность (на земли, фабрики и заводы и пр.). Она стремится уничтожить и все другие возможности такого угнетения.

Мы знаем, каким гнетом ложился на женщину брак: он на всю жизнь закрепощал ее во власть мужчины. Советская власть положила конец этому закрепощению. Старый порядок требовал, чтобы брак заключался только с согласия родителей и только в церкви. Советская власть установила обратный порядок: брак может быть заключен только при взаимном согласии брачующихся и без всякого участия церкви. Для заключения брака не требуется ни согласия родителей, ни совершения его церковным порядком. Венчание в церкви имеет теперь значение лишь бытового обряда, подобно помолвке, свадьбе и

прочее. Для совершения брака теперь нужно только, чтобы лица, желающие вступить в брак, заявили об этом в ЗАГС по месту их жительства (в деревне при сельсовете). В ЗАГС'е их заявление заносится в книгу,—регистрируется, после чего брак считается заключенным. Такой порядок заключения брака вырывает из рук главы семьи то средство, которым он в прежнее время закабалял свою дочь во власть ее мужа. Теперь он уже не запугает дочь ни законом, который требовал согласия родителей на брак их детей, ни гневом божьим, который ожидал девушку, вступившую в брак против воли родителей.

Теперь девушка получила полную возможность сама выбирать себе мужа, а тот, кого она выбирает, получил полную возможность свободно принять ее выбор или выбрать себе другую, глава семьи никак не может им помешать в этом: на закон не сошлешься, потому что он теперь на стороне брачующихся; попа в помощники не призовешь. Поп в этом деле теперь не при чем. Угроза выгнать сына или дочь из дома за сопротивление родительской власти потеряла прежнее значение. Дети теперь такие же участники в хозяйстве двора, как и глава семьи, и, уходя из двора, потребуют выдела себе своей доли.

Новый брак открыл для девушки возможность самой распоряжаться своей судьбой и устраивать свою жизнь женщины так, как хочется ей,

а не главе семьи. Старый брак отдавал женщину в полную власть мужчины. Жена была рабой мужа, такой же его собственностью, как любая вещь в его хозяйстве. Побои жены были обычным явлением в старом быту; считалось даже, что если муж не бьет своей жены, то значит не любит ее.

„Кого люблю, того и бью“.

„Люби жену, как душу;

Тряси ее как грушу“—

говорят пословицы старого быта; а в песнях поют:

„Мой постылый муж

Подымается,

За шелкову плетъ

Принимается“...

„Свекру батюшке

Поклонилася:

Свекор-батюшка,

Отними меня

От лиха мужа,

Змея лютого.

Свекор-батюшка

Ведит больше бить,

Ведит кровь пролить“.

И не было у жены-рабыни старого времени ни возможности уйти от мужа, ни защиты против него. Закон обязывал жену „пребывать к

своему мужу в почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякие угождения". Мужу давалось право при содействии полиции возвращать к себе жену, если она от него уходила. Совершенно другое положение создал для женщины новый брак. Теперь муж и жена вполне равноправны в браке. Ничто не мешает жене уйти от мужа, если совместная жизнь с ним станет для нее тягостной. А если муж не пожелает отпустить жены, то она может обратиться в суд с просьбой о разводе. Для развода достаточно одного заявления с ее стороны о нежелании продолжать совместную с мужем жизнь. Давать объяснения причин, которые заставляют ее развестись с мужем, не требуется.

Для всякого, кто сознательно, внимательно и беспристрастно относится к тому, что вокруг него происходит, ясно, что новый брак в полной мере соответствует новой хозяйственной жизни страны и новому хозяйственному укладу в деревне. Глава семьи в деревне перестал быть единоличным и неограниченным собственником имущества двора. Он лишился возможности приобретать землю на праве личной собственности. Теперь уже нет ни помещиков, ни крестьянского банка, ни разоряющихся крестьян, у которых он, как прежде, мог бы прикупить кусок земли. Нет теперь у главы семьи и побуждений накапливать имущество с той целью, чтобы передать его по

наследству кому-либо из своих любимцев. Наследовать имущество двора могут только члены двора. Все это вместе взятое выбило из-под старого брака ту основу, на которой он держался. Брак, как имущественная сделка, посредством которой глава семьи приумножал свою собственность, потерял значение. Жених и невеста перестали быть товаром. Отсюда вполне понятно, что старый брак потерял свою связь с жизнью. Для новой хозяйственной жизни он стал не нужен. Эта жизнь требует, чтобы люди соединялись браком не для того, чтобы увеличивать имущественное благополучие главы семьи, а для совместной трудовой жизни рука об руку с любимым человеком и для совместного воспитания детей. Для этого не требуется насильно выдавать девушку замуж или вести ее в церковь, чтобы узаконить и „освятить“ совершаемое над ней насилие. Для этого нужно только, чтобы добровольный союз вступающих в брак мог быть в любое время, когда потребуется, подтвержден каким-либо свидетельством. Таким свидетельством заключения брачного союза и является регистрация его. Старый брак умер. Вместе с его смертью потеряли прежнюю силу и значение сопровождавшие его обрядности: смотрины, помолвка и проводы. Новая жизнь породила и новый брак, который так же близок к ней, как к старой жизни был близок старый брак.

1. Кто теперь решает вопрос о браке? Напоминает ли новый брак торговую сделку?
2. Как заключается новый брак?
3. Как женщина может добиться развода?

ПАРАНЬКА

Сергунька — коровий подпасок.

Сколько годов лисьегорское стадо пасет. У нас, брат, пасти не то, что кнутом хлопнуть да и храни под кустом... Выгон у нас лесной, а в лесу пасти наука нужна.

Не раз и не два Сергуньку переманивали другие деревни: где пастушня легче, где стадо наперечет, где надбавка, — нейдет.

Должно быть, мед у нас.

Да, медок у нас есть...

Нефедова Паранька, что соточка душистая, только что из улья вынутая, янтарем так и переливается. Кто бы ни взглянул, всякий словно после сметанки облизывается.

Гора с горой не сходится, — человек с человеком всегда сойдутся.

Сошлась Паранька с пастухом Сергунькой.

Пастух в деревне последний человек.

Вот поди ж ты...

Охает Сергунька, да нет-нет песней заунывной на рожке разжалобится.

О сватах лучше и думу в голове не держать. Нефед Иванов скорее дочку погубит или руки на себя наложит, нежели с пастухом породнится.

Хорошо яблочко наливное, да веточка высоко.

Тосковал, тосковал Сергунька и надумал.

Один конец!..

Захлестнул кнут за сук, голову в петлю и закричал.

Вдруг, на землю хлоп!

Сидит, сидельники потирает—отшиб; очухался, перед ним Митрошка комитетчик,—кнут ножем перехватил.

— Ты что-то, товарищ, не дело задумал!

И полилась из глаз Сергуньки слезами, из рта словами тоска-погибель любовная.

— Из-за таких пустяков да погибать?.. Приходи в комитет, устроим!..

Митрошка председателем комитета бедноты был.

Лисьегорский Комитет Бедноты постановил:

„... Повенчать гражданина Сергуньку с гражданкой Паранькой в двадцать четыре часа... За неисполнение налагается контрибуция 500 руб. керенками“¹...

Митрошка по постановлениям—дока: на фабрике-то наострился.

Нефед Иванов в Комитете лысину клетчатым утирает.

— Да что же это, разбойники, с пастухом роднить хотите?

— Теперь не пастух,—лодырь в позоре!

— Паранька дочь мне али нет? Нешто не волен я по воле родительской выдать за кого захочу?

— Не волен.

— Нет, ты подожди! Примет ли еще Паранька позор пойти за пастуха?

¹ Постановление комитета шуточное. Было сделано, чтобы запугать невежественного Нефеду и помочь Параньке и Сергуньке соединиться брачным союзом по новому порядку. А. К.

— Невольно не будем... Спросим.

Позвали Параньку.

— Гражданка Парасковья, люб тебе пастух Сергунька?

Паранька — маков цвет, в передник зарделась.

— Лю-б...

— Пойдешь ли за него?

— Пойду...

— А отца спросила?

— Спасибо за хлеб, за соль, тятенька, тут воля моя!..

Всхлипнул Сергунька:

— Паранюшка, ладушка!

Нефед Иванов шапку оземь.

— Нет тебе родительского благословения!

Слаб стебелек гороховый, да около тычинки вьется, — обняла Паранька Сергуньку, да так до избушки Сергунькиной и не отстала.

Рассказ Антона из Лисьих гор.

1. Почему Нефед противился браку дочери с Сергунькой?

2. Почему он не мог помешать этому браку?

3. Почему Паранька не побоялась родительских угроз?

4. Почему Комитет Бедноты встал на защиту Параньки?

5. Могла ли бы Паранька найти защиту от родительского произвола в прежнее время?

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

ЖЕНА—РАБЫНЯ

«Как Христос—глава церкви, так муж—глава жены своей. Жена да убоится своего мужа и пребывает к нему в любви и подчинении». Такими словами определяла церковь положение жены в старой семье. И оно действительно было таковым. До гроба замужняя женщина пребывала в полном подчинении мужа, в положении домашней рабыни. В чем же причина этого? Конечно не в том, что положение домашней рабыни в старой семье было определено женщине богом, как учила церковь, а в тех условиях, в которых проходила жизнь замужней женщины в крестьянской семье. Все имущество семьи принадлежало мужу. Ему принадлежала земля или по праву собственности, если она была купленная, или по праву главы семьи, если она была наделная, или, наконец, по праву аренды у соседнего помещика или кулака. Ему принадлежал и весь инвентарь (скот, земледельческие орудия и пр.). У жены же не было ровно никакого имущества; даже приданое, которое она

приносила с собой в семью, поступало в распоряжение мужа. Все доходы, которые получала семья от хозяйства, также поступали в распоряжение мужа, как главы семьи. Значительная часть дохода семьи создавалась трудом жены, но в расчет это не принималось. Считалось, что кормит, одевает и обувает жену муж из личных его средств. За каждой копейкой, которую жена пожелала бы израсходовать на себя, она должна была обращаться к мужу. От мужа зависело холить и лелеять жену или содержать ее в черном теле. Такие имущественные отношения мужа и жены в старой семье вытекали из собственнического уклада жизни дореволюционной России. Жена приходила в семью мужа, как товар, приобретенный им путем брачной сделки. Она поступала в полное его распоряжение, как всякий товар поступает в полное распоряжение того, кто его покупает.

Но если жена входила в состав старой семьи как собственность мужа, то понятно, что она подпадала и в полную личную зависимость от мужа. Да и какая же это была бы собственность, если бы собственник не был властен распоряжаться ей по своему произволу и усмотрению. Однако держать человека в зависимости имущественной гораздо легче, чем в зависимости личной. Поэтому здесь особенно заботливо на помощь главе семьи выступали и закон и церковь.

Закон повелевал: супруги обязаны жить вместе. При переселении мужа в другое место жена обязана следовать за ним. Если жена уйдет от мужа, полиция обязана разыскать ее и доставить мужу. Жена не может наняться на работу без разрешения мужа и т. д. А церковь в своем рвении всемерно защитить сильного зашла так далеко, что об'явила женщину существом низшего порядка, которому запрещен даже доступ в алтарь. Недаром сложилась пословица, что «курица не птица, а баба не человек». Личная зависимость жены от мужа в старой семье была так велика, что жена не могла найти защиты даже от побоев мужа.

Духовная жизнь крестьянке в старом быту была совершенно не доступна. Считалось, что ученье и общественная работа бабе не по уму. «Долог волос, да ум короток», говорила про нее пословица. Поэтому в крестьянском быту женщин редко учили грамоте и не допускали ни до каких общественных дел.

Бесправная и имущественно и лично, замужняя женщина в старой семье жила на положении человека, единственным назначением которого было безропотно работать до поту лица и рожать детей.

Так изо дня в день тянулась жизнь замужней крестьянской женщины, жизнь однообразная, полная тяжелого, не знающего отдыха труда,

лишенная всяких духовных интересов и радостей.

Выйти из своего положения домашней рабыни замужняя женщина в крестьянской семье старого быта могла бы только одним путем—развестись с мужем. Но здесь ей поперек дороги стоял закон, который разрешал развод в таких редких случаях и с такими затруднениями, что темной, забитой крестьянке о разводе и мечтать не приходилось. А кроме того крестьянке в старом быту вряд ли могла даже прийти в голову мысль о разводе. С раннего детства крестьянская женщина привыкла считать, что ее назначение в жизни быть работницей в семье и служанкой мужа, и из сил выбивалась, чтобы оправдать это назначение.

Было только одно средство освободить крестьянскую женщину от того ярма, которое налагала на нее старая семья,—полное раскрепощение женщины от власти мужчины. Это сделала Октябрьская революция.

1. Имела ли право крестьянка на имущество, созданное ее трудом?

2. Почему жена-крестьянка не могла вырваться из кабалы против желания мужа?

3. Кого и как оберегали царские законы и церковь — жену или мужа?

БАБ УЧАТ

... А в деревне Свищевке в это время вот что делалось.

У Прохора баба на сносях была. И заставил ее Прохор глину возить, чтобы этой глиной избушку свою обмазать для аккуратности. С утра еще, как встал с постели, опорок не надел, босый кричит:

— Анисья! нынче глину тебе возить!

Анисья остановилась на пороге, живот свой с добрую копну сена выпятила, загнула.

— Как тебе, Прохор, не совестно. Последние дни дохаживаю. Младенца сорву ведь... Повози сам.

Прохор воткнул ногу в рыжий опорок, сплунул на середину избы.

— Ничего. Бог труды любит.

Озлилась Анисья.

— Не буду возить!

— Не будешь?— пыхнул цыгаркой Прохор. — Увидим!

А глина за огородами была, далеконочко. Напился чаю Прохор, отправился за огороды, накопал возле риги желтой-прежелтой глины, насыпал на тележку, домой отправился.

— Анисья! Глину возить!

Баба в слезы.

— Иди, говорят тебе! Аль по морде ждешь?

Анисья к соседям бросилась. Но Прохор поймал ее на дворе, долбанул в спину.

— Убью, сука такая!

И стала Анисья глину возить. Наткнется тележка на кочку какую-нибудь, ни туды, ни сюды. Натужилась Анисья из всех сил. Не идет тележка.

Еще натужилась, да и упала тут. Прямо так на траву ребенка и выкинула.

В другой избе другое идет. Показалось Семке Горбачу, что его жена с кузнецом живет. Пришел однажды Семка в избу, обшарил углы,—нет бабы. А уж вечер был. Коров подоили. Заря в огородах потухла. Темно. Вышел Семка на улицу, прищурил глаза, смотрит. По всей улице хоть шаром покати. Глядит, а его баба, Лукерья звать, из-за кузницы и выходит. Идет по середине дороги, шлепает босыми ногами и все оглядывается. Подошла к избе и не заметила, что Семка—вот он, за куст присел. Только хотела ногу на приступок крыльца поднять—хлесть.

— Ты куда ходила?

Взвизгнула Лукерья, понять ничего не может.

— Кислое молоко сестре...

Смотрит, а в темноте два огромных глаза выпучились.

— Врешь, стерва!

Испугалась Лукерья.

— Ничего не вру. Поди сам спроси.

А у Семки аж в ушах гудит.

— Из кузницы вышла?..

— Что ты, Семушка, бог с тобой!

А как только сказала «бог», так тут Семка и последнее, что в голове было, потерял совсем. Волоком вволок Лукерью в избу, чтобы не слышно было, и давай ее лежащую кулаками охаживать. Надоело кулаками, ногой начал. Вопит Лукерья, визжит, на помощь зовет, а дверь заперта, никто не слышит.

В третьей избе еще того чуднее. Каждый день лупит свою бабу Василий Пузанов. Сорок восьмой

год дураку с нового года пошел, степенный, можно сказать человек, а как только вспомнит, что он бабу свою, Парасковью, двадцать лет назад не девицей взял, а уж того... обломанной кем-то, так сейчас ни слова не говоря, ни с того, ни с сего, хлоп!—и пошла писать.

Парасковья—баба здоровая, об землю не расшибешь, пудов на шесть весом, Василию в бороду вцепится. Он ее дует, а она у него на бороде висит, и борода оттого у Василия длинными клочьями. Где борода, а где пустое место. Василий тузит приговаривает:

— Говори, дьявол!.. Говори, говори!..

Лупит и Парасковья со всего маху, на сколько сил хватит, и тоже как и Василий приговаривает:

— А ты Дуньку рябую забыл, старый чорт? Не забывай, не забывай, не забывай, подлец!

Да вот так дуются, дуются, устанут, бросят друг друга, сядут на лавку, глядят друг на друга выпученными глазами.

— Ты мне про Дуньку не бай!—говорит хрипом Василий.—Я мужик... Мужику все дозволено... чорт рыжий!

— Ну, а мужику все дозволено, значит и бабам тоже дозволено,—вытирая нос хрипит Парасковья.

Да так вот поговорят-поговорят, отдышатся оба, разойдутся в разные стороны. На какое время разойдутся—неизвестно, может быть, через час и снова начнут охлестываться, потому что Василий все сорок лет думал всегда одинаково: мужику все дозволено, тогда как баба должна себя до замужества обязательно в чистоте держать. А по правде сказать, так бабу свою он и за человека-то не считал никогда.

В четвертой, в пятой, в десятой, в любой избе такая заваруха идет, что дым столбом. И, конечно, везде виновата баба. Кулаками-то послабее, вот и виновата. И все бабы поголовно безграмотны. И это считается в порядке вещей до сих пор.

У Гаврилы Хрулькова, например, парень и девка подросли, надо в школу посылать обоих. Гаврила не хочет, чтобы обоих.

— Ваньку нельзя без школы, а Еленка пусть дома сидит!

— Зачем же Еленка будет дома сидеть?— спрашивает учительница Евдокия Васильевна.— Ванька грамотный будет, а Еленка без грамоты, это почему же так?

Гаврила доводы свои уверенно выкладывает:

— А потому! Ванька мужик, и грамоту ему надо, а Еленка—баба и грамота ей на кой ляд. За мужиком жить и без грамоты можно.

Жена у Гаврилы—баба темная, в разговор не вступается. И ежели бы не учительница Евдокия Васильевна, осталась бы Еленка без грамоты.

Из рассказа П. Орешина «Бабий бунт».

1. Почему в старых деревенских семьях мужики часто бьют своих жен?

2. Прочтите рассказ «Бабы учат» (на 37 странице) и скажите, может ли теперь жена найти защиту против побоев мужа, и куда она должна обратиться за защитой?

3. Почему Василий Пузанов думал, что мужику все дозволено, а бабе нет?

4. Почему Гаврила Хрульков думал, что сына нельзя оставить без грамоты, а дочь можно?

БЕСЕДА ПЯТАЯ

ЖЕНА—СВОБОДНАЯ ГРАЖДАНКА

После Октябрьской революции вся хозяйственная жизнь нашей страны перестроилась на новых началах. Вместе с ней перестроилась на новых хозяйственных основах и жизнь крестьянской семьи.

По внешнему виду как будто мало что изменилось в семье: как и раньше, домохозяин, глава семьи, распоряжается хозяйством, а на жене его лежат те же хозяйственные обязанности, которые она выполняла и до революции. Но это только по внешнему виду. А если взглянуть глубже, то картина получается совершенно другая. Прежде всего изменилось имущественное положение женщины в семье. Раньше все имущество в крестьянском хозяйстве принадлежало на праве собственности только главе семьи. Теперь оно принадлежит уже не ему одному, а всем членам двора, в том числе и жене. Она имеет такое же право на имущество двора, как и ее муж; она стала имущественно равноправна с ним. Ее доля в имуществе двора принадлежит

ей неотъемлемо и должна быть выделена ей, если она по каким либо причинам выходит из состава двора.

Из имущественного равенства мужа и жены в крестьянской семье само собой вытекает и равенство их в других отношениях. Так, жена имеет равное с мужем право на управление хозяйством двора. Если глава семьи по неспособности или по другим причинам (пьянство, расточительность, бесхозяйственность) плохо справляется с хозяйством двора, его место может занять жена. По просьбе членов двора волисполком может отстранить главу семьи от управления хозяйством двора и возложить исполнение обязанностей домохозяина на его жену. Женщина наравне с мужем имеет право принимать участие во всех общественных делах деревни. Ее голос на сходе имеет такую же силу, как и голос ее мужа. Она имеет равное с мужем право не только выбирать должностных лиц сельского и волостного управления, но и сама быть выбранной на должности (начиная от сельсовета или волисполкома и кончая Центральным Исполнительным Комитетом). И мы видим, что не мало крестьянских женщин в настоящее время занимают самые различные общественные и государственные должности. Теперь не редкость — женщина-председатель сельсовета, член волисполкома или губсовета, народный судья и т. д.

Женщина во всех должностях исполняет свои обязанности не хуже, а во многих случаях и лучше, чем мужчина. Она яснее ясного показала, что бабий ум ни в какой зависимости от ее длинного волоса не находится. Стоило освободить женщину от векового гнета мужчины, как она сразу же обнаружила всю лживость церковной сказки о том, что женщина—существо низшего порядка.

Нечего говорить, что, сделавшись равной с мужем в отношении имущественных прав, жена стала равной с ним и в отношении личных прав... Теперь муж уже не может запретить жене без его согласия наняться на работу. Он уже не может принудить жену против ее воли следовать за ним, если он переселяется на житье в другое место. А в милиции придут в изумление, если кто-либо, вспомнив прежнее время, обратится туда с просьбой доставить ему жену по этапу.

Что же касается побоев жены, которые в старом крестьянском быту были излюбленным средством учить жену уму-разуму, то в новом семейном быту они рассматриваются, как уголовное деяние. Как побои каждого другого гражданина или гражданки, они влекут за собой ответственность и наказание по суду.

Таким образом, в новой семье жена независима от мужа не только в отношении имущественном, но и в отношении личном. Эта независимость

обеспечена ей законом и защищается судом. В этом отношении советской властью сделано все возможное и в законы включены соответствующие постановления. Так, в законах о семье и браке прямо говорится, что при перемене местожительства одного из супругов другой не обязан следовать за ним. Что брак не создает общности имущества супругов и что нуждающийся супруг (как муж, так и жена) имеет право на получение содержания от другого супруга и т. д.

Наконец, могучим средством обеспечения независимости жены от мужа является предоставление жене законом права развестись с мужем, даже вопреки его желанию. При этом имущественные интересы жены-крестьянки вполне обеспечиваются тем, что она, уходя из двора, получает причитающуюся ей долю из общего имущества.

Имущественное и личное равноправие мужа и жены в новой семье и полная независимость жены от мужа в корне изменили и взаимоотношения между ними. В старой семье муж смотрел на жену, как на домашнюю рабыню, которая должна безропотно выполнять малейший его каприз. В новой же семье жена для мужа уже не бесправная рабыня, а независимый от него и равноправный с ним человек. Правда, для мужа трудно еще вполне отрешиться от недавнего

прошлого, столь любезного его сердцу. Он еще не понимает, что это прошлое умерло и ему нет возврата. Но независимо от своей воли и желания он уже вынужден относиться теперь к жене совсем по иному. Раскрепощение жены от власти мужа породило и со стороны жены иное, чем в старой семье, отношение к мужу. Даже самая забитая и темная замужняя женщина, если не сознает, то, как говорят, «нутром» чувствует теперь, что она перестала быть беззащитной, что на самого грозного мужа она найдет теперь управу. Эта перемена в отношениях мужа и жены в новой семье оказывает влияние на уклад семейной жизни, изменяет семейный быт. Более сознательные и смелые крестьянские женщины уже порвали со старым бытом и из жен-рабынь превратились в жен — свободных гражданок. Они уже принимают широкое участие в общественной жизни деревни: мы видим их на сельских сходах, в избах-читальнях, в ячейках женотделов, делегатками на съездах и конференциях и т. д. Менее сознательные и менее смелые женщины еще не решаются на это, но и их положение в семье стало гораздо легче прежнего. Им дышится свободнее: свежий воздух раскрепощения женщины широкой волной ворвался в их затхлую темницу. Недалеко время, когда и их мы увидим работающими рука об руку с передовыми женщинами деревни.

Правда, смена старого семейного быта на новый проходит в деревне не гладко, вызывая иногда семейные разлады. Виной этому не то, что новый семейный быт плох или его навязывают деревне насильно, а то, что людям всегда трудно расставаться со старыми привычками, даже дурными, и что новая жизнь невыгодна царьку старых порядков — мужчине. Старый быт все еще не хочет уступить своих позиций. Он борется, опираясь на несознательные и темные силы деревни. Но несознательность и темнота — плохие союзники, и недалеко время, когда старый быт будет окончательно выбит из своих позиций мощным натиском сознательных и культурных слоев деревни, среди которых видное место занимает освобожденная от оков векового рабства крестьянская женщина.

1. Как законы в Советском Союзе оберегают равноправие женщины и мужчины?

2. Кто в деревне стоит за старый брак и кому он выгоден?

БАБЫ УЧАТ

В воскресенье после обеда со всех концов потянулись бабы вереницы к школе. Мужики даже опешили.

— Куда их это нечистая гонит?..

Посмеялись.

— Забастовку, видно, хотят устроить.

Собрались бабы. Смеются мужики.

— Ну, держись, паря... Бабы в ход пошли!
На другое воскресенье опять сходка.

Мужики в обиду.

— Да вы что, туды вашу мать, аль в самделе
кажно воскресенье хороводиться будете?

В драку.

А на воскресенье сход общий.

— Не желаем, чтобы Серега Коровин председа-
телем по Свищевке ходил! Катерину желаем!

Выступила Катерина, тянула кулаком по сто-
лу, понравилось мужикам.

— Пушай Катерина в председателях ходит!

Загалдели бабы.

— Катерину желаем!

И стала Катерина председателем.

*

Над Свищевкой зимние облака бегут, зимнее
солнце светит. В сугробах потонули соломен-
ные крыши. Мужикам в долгие вечера делать
нечего, сидят в темных избах, губами жуют,
затылки чешут: вот какие времена пришли, бабу,
свою собственную жену, пальцем не тронь!

Чешут в затылках мужики. Ребят дома нет.

— Где Митюха-то?—спрашивает Пузанов Пра-
сковью.

— Где? Известно где, в комсомол ушел.

— Чорт их носит!—хрипит Пузанов. Скучно.
Кряхтя, стаскивает пудовые валенки и ложится
спать.

А в волисполкоме огонек горит. Комсомольцы
книжки читают, учатся. Катерина в председателях.

— Позовите Степку Горбача!

— Бабу свою бил?

Сопит Степка Горбач, смотрит на запущенные снегом окна.

— Бил.

Позвали Лукерью.

— За дело бил?

— Никакого дела не было, — отвечает Лукерья. — Втемяшилось мужику, будто я с Тишкой кузнецом живу... А я как перед богом вот...

И Семке Горбачу строго:

— Ладно! Три дня отсиди!

Позвали Прохора. Катерина карандашиком зло постукивает.

— Глину на беременной бабе своей возил?

Прохор помялся, покрутил бородой, вздохнул.

— Надо же кому нибудь!

У Катерины в глазах молния.

— А выкидыш был?

— Был.

— Месяц за почтой в город! Да не просыпать, делать во время!

Дошло до Пузанова Василия.

— Ты что это, старичок, над бабой своей мудруешь?

Пузанов пузом вперед.

— Никак нет, товарищ председатель. А как я брал девку, а она с матерью своей обманом взяла, так у нас, действительно, бывает...

— А сам чистеньким был, что ли?

Молчит Пузанов. Прасковья в слезы.

— Да ежели бы только я девичью честь до венца потеряла, убила бы меня тут родительница. А он, старый дурак, тогда сам пьянешенек был,

как стелька какая... А утром встал и давай охалить... До сих пор, чай, покою нет!

Спрашивает Пузанова:

— Будешь еще над бабой своей измываться?

У Пузанова глаза в бороде кровью налились.

— Говори буду!—смеются мужики.

— Пальцем не трону,—отвечает Пузанов глядя в глаза Катерине.—Бес меня путал!

— Поцелуйтесь!—приказывает Катерина.

Мужики смеются.

А поземка несет за окном, прямо зги не видно, занесло все избы, перепутало дороги, поломало все вехи. Кажется, всякое сообщение между селами и деревнями прикончено. А сообщение на деле не прерывается. Ветром разносится по окружным деревням весть о Катерине, которая в Свищевке в председателях ходит. Замутились бабы в снегах метельных, зашевелилась бабья половина, запахло волей. Во всем уезде ветер идет, по всему уезду весть разносится, и красавица Катерина во сне каждой забитой бабе по ночам снится.

Из рассказа П. Орешина «Бабий бунт».

1. Могла ли бы Катерина стать у власти в деревне в дореволюционное время? И если нет, то почему?

2. Может ли муж запретить Катерине нести общественную службу? Мог ли бы он это сделать в дореволюционное время?

3. Много ли женщин в нашей деревне выполняют общественные обязанности (состоят делегатками, членами сельсовета, работают в женотделах и т. д.)? И если немного, то почему?

ЛЕНИНКА САША

Во главе совета трех деревень Щелковской волости, Московского уезда, стоит Александра Тимофеевна, или ленинка Саша, как ее звали.

В клубе был назначен сход, и собравшиеся мужики ждали председателя.

— Тетка Саша, ждем тебя!

Тетка Саша быстро вскарабкивается на сцену.

— Товарищи! Считаю собрание открытым.

Все насторожились.

— Слово товарищу докладчику.

Слушают о Ленине, задают вопросы, что сделал Ленин для деревни... Ленин — вождь рабочих и крестьян.

После доклада и беседы спрашиваем:

— Ну, как ваш председатель? Довольны ли им?

Отвечают:

— Хоша и баба,—а куда твой мужик. Раньше был у нас председатель. Бревна гнили при нем. А тетка Саша пришла и говорит, я хочу разделить бревна. Вот тому-то, да тому-то, и наметила самых бедняков. Как, согласны?.. Подумали, и пришлось согласиться.

— Или вот со школой: дети мерзли, а привезти дров некому. Приходит тетка Саша ко мне и говорит: «Слушай, Степан, лошадь твоя все равно дежурная. С'езди-ка за дровами». Ну, и с'ездил... Затем другой, да третий, и так 16 подвод. А вечером приходит мой Ванятка из школы, да и говорит:

— Спасибо, тятя, за дрова. В школе-то как тепло стало.

При клубе тетка Саша организовала сельскохозяйственный кружок, где крестьяне изучают по книжкам, как улучшить обработку земли. Для крестьянок организовала кружок кройки и шитья.

— Хлопочет и о ярком свете (электричестве). Уже с виком уговорила. Членом ведь она там. А крестьяне согласны.

Из «Рабочей Москвы».

1. Каждой ли крестьянке доступна теперь такая жизнь, какой живет теперь ленинка Саша?

2. Почему не все еще замужние крестьянки вышли из-под власти мужей?

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

ДЕТИ В СТАРОЙ СЕМЬЕ

В семье дореволюционной России дети находились в полной, неограниченной власти родителей. Родительская власть почти не имела пределов. Закон разрешал родителям «за упорное неповиновение родительской власти» заключать детей в тюрьму. Дети были обязаны «сносить родительские увещания и исправления терпеливо и без ропота», а судам запрещали принимать от детей какие-либо жалобы на личные обиды и оскорбления от родителей.

Об руку с законом в деле закрепощения детей во власть родителей работала и церковь. За покорность родителям она обещала детям жизненное благополучие и долголетие: «Чти отца твоего и мать твою, и благо ти будет и долголетен ты будеши на земле».—Эту «заповедь божию» заставляли детей с раннего возраста заучивать наизусть. Наоборот, за непокорность ислушание родителям церковь сулила детям несчастную жизнь на земле и невероятные мучения в измышленной ею же самой загробной

жизни. Под влиянием церкви старый деревенский быт облакал родителей властью «проклятия» детей. В мире старой деревни, насквозь пропитанном суеверием и невежеством, родительское проклятие было едва ли не более сильным средством закрепощения детей, чем все предписания закона.

Родительская власть распространялась на детей независимо от их возраста. Она, как говорилось в законе, прекращалась только смертью родителей или выходом дочери замуж. В случае замужества—об'яснял закон,—«одно лицо двум неограниченным властям, каковы родительская и супружеская, совершенно удовлетворить не в состоянии».

Неограниченной власти родителей над детьми требовал строй хозяйственной жизни дореволюционной России. Мы уже говорили, что жизнь тогда строил собственник. Закон и быт того времени были построены так, чтобы обеспечить собственнику полную свободу распоряжаться своей собственностью. Эту свободу действий в семье обеспечивала ему на ряду с супружеской властью и власть родительская. Дети в дореволюционной России не всегда занимали одинаковое положение в семье и в обществе. Требуя, чтобы супружеская связь была закреплена церковным браком, дореволюционный строй строго карал всех, кто вступал в супружескую связь без

церковного брака. Закон заставлял отвечать за такую связь не только супругов, но и их детей, хотя дети никак не могли быть виноваты в том, что родители их не венчались в церкви. Дети, рождавшиеся от супружеской связи, не закрепленной церковным браком, считались «незаконными» и были пасынками и в семье и в обществе. Они не пользовались тем уважением, которым пользовались «законные» дети, т.-е. дети рожденные от церковного брака, и были лишены многих существенных прав, например права наследования и др. Но еще хуже, чем положение детей незаконных, было положение детей, которые рождались от тайной супружеской связи. Это бывало в тех случаях, когда девушка, не желая выходить замуж за «немилого», вступала в тайную супружескую связь с любимым человеком, а у этого человека не хватало совести и мужества обнаружить связь или просто не было желания сделать это, потому что часто на любовь девушки он смотрел, как на мимолетное удовольствие. Ребенка от тайной супружеской связи ожидала хорошо всем известная судьба «подзаборника» (подкидыша), т.-е. жизнь вне семьи, в нужде и голоде, среди насмешек и презрения окружающих. И государственная власть и старый быт относились к судьбе этих несчастных детей, как к явлению нормальному. Считалось, что так и должно быть: ведь не

даром же в «писании» сказано, что дети должны нести наказание за грехи родителей.

В деле воспитания детей все сводилось к тому, чтобы вырастить верных слуг правящего класса. Закон вменял родителям в обязанность «обращать все свое внимание на нравственное образование своих детей и стараться домашним воспитанием приготовить нравы их и содействовать видам правительства».

В этом же направлении велось и школьное воспитание. Деревенская школа также старалась сделать из детей покорных рабов правящего класса (помещиков, капиталистов, кулаков). На помощь ей была призвана религия. С первых же дней пребывания детей в школе их головы начинялись тем религиозным туманом, от которого они потом не могли уже освободиться всю свою жизнь. Религия была положена в основу воспитания детей. Устроены были даже специальные церковно-приходские школы, а остальные деревенские школы, так называемые земские, были отданы под негласный, но неослабный надзор местных священников. Школу посещали в деревне далеко не все дети, поэтому под надзор церкви было взято и домашнее воспитание детей. Пользуясь своим влиянием в деревне, священники всеми мерами воздействовали на родителей, чтобы они воспитывали своих детей «в страхе божием и повиновении

начальству». Этим все воспитание детей в старой деревне и ограничивалось.

Духовные и умственные запросы детей оставались без всякого удовлетворения и глохли среди темноты, невежества и суеверия деревни, как глохнет цветок среди разросшегося бурьяна. Крайняя материальная нужда, в которой находилась дореволюционная деревня, вынуждала детей браться за тяжелую крестьянскую работу в таком возрасте, когда они далеко еще не созрели для нее. С ранних лет крестьянский ребенок, не зная детских радостей, рука об руку со взрослыми работал на тех, чьи дети пользовались всеми удовольствиями и учились в гимназиях. Там воспитывали из детей уже не покорных рабов, а людей, умеющих управлять рабами и держать их в повиновении, чтобы устроить себе и своим детям легкую и веселую жизнь.

Вырастая дети в крестьянской семье продолжали оставаться под тем же гнетом родительской власти, под которым протекали их детские годы.

Освобождение из-под родительского гнета наступало для сына только тогда, когда он, обзаведясь своей семьей, отделялся от родителей. Но и это было возможно лишь в том случае, если на выдел сына имелось согласие главы семьи. Выделиться против воли главы семьи означало — выйти из семьи родителей без достаточных средств для заведения самостоятельного

хозяйства. Дочь же лишена была всякой возможности когда-либо начать самостоятельную, независимую жизнь, потому что, освободившись путем замужества от гнета родительской власти, она подпадала под гнет супружеской власти.

1. Какая власть была у отца над детьми до революции?

2. Почему старые законы закрепощали детей во власть главы семьи?

3. Почему до революции дети делились на законных и незаконных?

4. Одинаково ли воспитывались дети богачей и бедняков? К какой жизни готовили тех и других?

5. Кто и как воспитывал детей в деревне до революции?

РОДИТЕЛЬСКАЯ ВЛАСТЬ

Коротконогий сидел на вислобрюхой заморенной кобыленке, он одной рукой придерживался за повод, а в другой имел аркан, каким в ночном ловят лошадей или употребляют вместо возжей. Вид у Коротконогого был необычайный. Он тяжело сопел, ноги его были перекинуты по-бабьи, на одну сторону, и торчали двумя вздернутыми обломленными сучками.

— Не видал мого парня?..— крикнул он Печуре.

— Разве же это твой парень был?..— вопросом же отозвался Печура...— Вон там, в вишняках я чьего-то парня застиг.

Коротконогий крепко выругался:

— В виш-няках,— говоришь?..— Где?..

— А вон там... Ай случилось что?..

— Да вот вишь ты какие фасыны придумал... Поучил я даве своего Петра, а он и стрельнул из дому,— пояснил Коротконогий, натягивая узду и поворачивая лошадь,— я, баит, порешу с собой... Я тебе, материн щенок, порешу!.. Я тебе покажу, как раков ловят!.. Я ведь не Василий Белена!..

И Коротконогий смачно и зло выругался на все поле..

В Назимкино входили все вместе: Коротконогий, Петр и Печура. Коротконогий держал одной рукой на поводу лошадь, а другой подталкивал Петра,— Петр шел, втянув в плечи опущенную голову.

Пройдя несколько изб и встретив кучу мужиков, Коротконогий замедлил шаги, ткнул в спину Петра и закричал громко, чтобы обратить внимание:

— Ишь чего удумал!.. Я, баит, с кручи сигаю!.. Я тте-бе сигану!.. Я тебе не Василий Белена!..

— Далече парня - то поймал?..— спрашивали мужики.

— А в вишняках... Ишь, щенки,— новые манеры удумали!.. Я тте-бе покажу, как сигають!..

Всем сразу вспомнился Федор Белена... И у мужиков закипела злость против Петра.

— Поучи, поучи его, Дмитрий!.. Чтоб другой раз неповадно было!.. Не гляди, что жених... Портки-то с него спусти да и всыпь!..

— На лавку его положи, да руки-то веревкой скрути!.. Нечего на них смотреть!.. Ишь, волю какую взяли!..

— Всыпь ему!.. Всыпь!..

— Может, пособить тебе?..— выкрикнул фистулой отделившийся от толпы ледащий мужик с тонкими дрыгающими ногами,— не надо и вязать, дядя Митрий!.. Пособим!.. За руки его подержим!..

— Пособи, пособи, дядя Егор!..

Ледащий мужик побежал вприпрыжку за Петром, просекая коленками воздух и махая угрожающе кулаками в сторону Петра:

— У-у! лоботряс черноротый!.. Коли отец мало школил, так чужие люди вышколят!.. Подожди!..

К шествию присоединились охочие до зрелищ ребятишки. Они забегали спереди и с боков, улюлюкали, свистели, прыгали, кувыркались от удовольствия и кричали:

— Гли-те-ка!.. Митриева Петра поймали!..

— О-ой,— счас лупцовка начнется!..

Около одной из изб стояли Арефий и Тихон. Узнав, в чем дело, Арефий покачал головой и сказал:

— Эко парня-то истязуют... Ай-ай-ай, гре-хи...

— Басурмане народ,— сурово заметил Тихон.

Но их не слушали... Неукротимым потоком гнев катился дальше. Возгласы становились чаще и раздраженней:

— Что же это такое?.. А?.. Ноне один, а завтра другой!.. Накоса какие моды взяли!.. Повесить их мало, ссукиных сынов!..

Коротконогий, поддаваясь общей горячке, не соображая, что делает, гнал Петра уже сильными ударами кулаков и хрипел:

— Иди, не кобенсь!.. Я тте-бе не Василь Белена!..

Со стороны его подзадоривали и науськивали на сына:

— Не оставляй этого дела, Митрий... Для примера других не оставляй...

Какая-то старуха завопила:

— О-ой, ты господи!.. Этакие пащенята, а то-о-же... Мать пречистая спаси, вразуми!..

— Зааркань его, лоботряса!.. Дядя Митрий, зааркань!..— визжал фистулой ледащий Егор.

Повинуясь приказу, Коротконогий перекинул через шею Петра веревку. Толпа ухнула с ревом и потом вдруг сразу стихла. Только ребяташки запрыгали и засвистели:

— Петру-уху-то... Словно бычка на веревочке!

— Э-эй-Петька, бычок!..

Петр с отчаянием рванулся, чтобы освободиться.

— Батюшка, не срами!.. Вот-те хрест, руки на себя наложу!.. Куды я теперь после такого сорому пойду?..

Печура бессильно метался около. Он обегал Коротконового, кланялся ему в пояс и молил:

— Пусти его ради христа!.. Дядя Митрий... Пусти ты малого,— христа для ради спасителя!..

Потом поворачивался к толпе и тоже низко кланялся:

— Братцы!.. Нешто же так можно?.. Да пустите же вы его!..

И опять просил Митрия:

— Да пусти же ты его ради христа!..

Петр подсунул под веревку руку и с усилием сбросил петлю.

Коротконогий больше не преследовал его. Гнев его ослабел. Вспышка толпы так-же прошла, и все угрюмо смолкли.

Из рассказа А. Богданова «Морока».

1. Что заставило Петра убежать из дома?
 2. Почему отец его возмутился этим?
 3. Почему крестьяне усердно помогали Коротконогому наказывать своего сына?
 4. Мог ли Петр пожаловаться на отца за побои и издевательства над собой в суд и найти там защиту?
-

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ

ДЕТИ В НОВОЙ СЕМЬЕ

Мы уже знаем, что закрепощение детей во власть главы семьи требовалось собственническим строем хозяйственной жизни дореволюционной России. Этой же причиной было вызвано и неравенство детей. Интересы собственника требовали, чтобы имущество его, так старательно накапливаемое при жизни, не дробилось бы после его смерти между законными и незаконными детьми, чтоб ни в каком случае не попадало оно в руки детей, рождавшихся от мимолетных и тайных связей, которыми собственник нередко услаждал свою жизнь. С уничтожением собственного строя хозяйства сама собой отпала и необходимость в неравенстве детей. Новому хозяйственному порядку, который строят теперь новые хозяева нашей страны—рабочие и крестьяне—на основах социализма, неравенства детей не нужно. Наоборот: социалистическому хозяйству нужно равенство детей, так как основой этого хозяйства является дружное сотрудничество трудящихся. Поэтому понятно, что советские

законы не знают различия между детьми. Ребенок, рожденный от зарегистрированного брака, и ребенок, рожденный от брака незарегистрированного, пользуются одинаковыми правами и одинаковой защитой закона. Одинаковые права имеет и ребенок, рожденный от длительного супружеского сожителства, и ребенок, явившийся на свет от кратковременной или даже случайной супружеской связи. Каждого из них родители одинаково обязаны содержать и воспитывать.

Мать ребенка гораздо теснее связана с ним, чем отец; она ребенка вынашивает, растит и кормит, поэтому дети для нее все одинаково ценны. Не найдется такой матери, которая стала бы делить своих детей на законных и незаконных и за одними ухаживать, а других выбрасывать на улицу. Делал это и продолжает еще делать отец, который веками приучался к иному отношению к детям, чем мать и не скоро еще отделяется от этой привычки. Но если при старом строе мать ничего не могла поделать с отцом, отказывающимся от своего ребенка, то теперь она легко может справиться с ним. Теперь закон предоставляет матери ребенка право отыскать отца ребенка через суд и обязать его содержать своего ребенка. Для этого мать ребенка должна подать в местный отдел ЗАГС'а заявление с указанием имени, отчества, фамилии и местожительства того, кого она считает отцом

ребенка. ЗАГС вызывает указанное лицо и, если вызванный в течение месяца после вызова не явится, записывает его отцом ребенка; если вызванный явится и откажется от ребенка, спор разрешается судом. Если же отец не отрицает своего отцовства, а только не желает содержать ребенка, то матери нужно обратиться уже не в ЗАГС, а прямо в суд, представив к отцу ребенка иск об алиментах (о содержании ребенка). Суд обяжет отца содержать ребенка. Теперь брошенной матери незачем уже нести своего ребенка под забор, чтобы его там подобрали и воспитали «добрые люди». Она знает, что сумеет отыскать отца ребенка и заставить его содержать свое дитя, и что ребенок ее не будет теперь занимать того приниженного положения среди окружающих, которое он занимал при старом строе.

Новый хозяйственный строй нашей страны потребовал не только уничтожения неравенства детей, но и коренной перемены воспитания их. Дети у нас растут и воспитываются попрежнему в семьях и попрежнему находятся под властью родителей. Но это уже не прежняя родительская власть. Родительская власть в старой семье была неограниченной и установлена она была с целью обеспечить и защитить собственнические интересы главы семьи. Теперь родительская власть установлена исключительно с целью защиты прав и интересов ребенка. Родители должны

заботиться о несовершеннолетних детях и готовить их к общественно-полезной деятельности, т.-е. давать им такое воспитание, чтобы из них вышли сознательные работники социалистического строительства и защитники Рабоче-Крестьянского государства. Родители могут отдавать детей на воспитание и обучение, могут даже заключать договоры ученичества и договоры о поступлении детей на работу по найму. Во всех случаях они обязаны поступать так, чтобы не нарушать интересов ребенка и уже ни в коем случае не вредить его здоровью. Разрешая отдавать ребенка на работу, закон требует, чтобы родители делали это лишь с согласия ребенка и с соблюдением законов о труде.

В деле воспитания детей советская власть помогает домашнему воспитанию воспитанием школьным. Школьное воспитание поставлено теперь так, что дети получают в школе не только знания и умственное развитие, но и приучаются к полезному труду и общественной работе.

Наше поколение с великими жертвами и с великим трудом строит государство трудящихся. Добраивать его будут наши дети. Советская власть особенно заботливо относится к воспитанию детей. На ряду со школьным воспитанием у нас в широком размере организовано дошкольное и внешкольное воспитание их: детские сады, коммуны, ясли и пр. Создана специальная

организация по охране младенчества и материнства, где каждая мать может получить совет и указания по любому вопросу, касающемуся защиты интересов ребенка¹.

Достигши совершеннолетия, дети в новой крестьянской семье уже совершенно выходят из-под родительской власти и занимают равное с родителями положение. Они такие же полноправные члены двора, как и родители; имеют такую же, как и родители, долю в имуществе и хозяйстве двора. От желания детей зависит оставаться в семье или выделиться, заведя собственную семью. Зато на них теперь переходит обязанность заботиться о родителях; они должны содержать нетрудоспособных и нуждающихся родителей.

Из всего о чем мы говорили в этой беседе, ясно, как различно должно быть положение детей в старой и новой семье. Теперь уничтожено неравенство детей, которое в старой семье детям, рожденным вне церковного брака, не позволяло занимать равного положения с остальными, «законными» детьми. Уничтожено неравенство, которое детям, рожденным от тайного брака, совершенно закрывало доступ в семью их родителей. В старой семье дети находились

¹ Как найти учреждение по охране младенчества и материнства, можно узнать в местном женотделе при волысполкоме или сельсовете.

в полной, неограниченной власти главы семьи, в новой семье нет неограниченной власти главы семьи. Он может пользоваться властью только в интересах ребенка и только до того времени, когда ребенок вырастет и станет сам устраивать свою судьбу. В новой семье дети раскрепостились от власти главы семьи.

Новые условия, в которые теперь поставлены дети, порождают и новые отношения между родителями и детьми. Изменяется и старый порядок жизни в семье, старый семейный быт. Раньше отец знал, что он невозбранно может избить до полусмерти своего малолетнего сына и закабалить его в работу к кулаку или выгнать из дому взрослого сына или дочь за ослушание. Теперь же он знает, что за избиение малолетнего ребенка и закабаление его в работу по найму он ответит перед судом, а изгнание из дома взрослого сына или дочери грозит ему разделом двора. Одно уже сознание того, что теперь нельзя поступать с детьми так, как поступали раньше, заставляет родителей иначе к ним относиться.

Темнота и некультурность деревни сильно мешают развитию нового семейного быта. Глава семьи все еще пытается быть прежним домовладыкой в своем хозяйстве. Но новые условия жизни берут свое, и новый семейный уклад хотя и медленно, но настойчиво и неопреодолимо водворяется в крестьянских семьях. Старый

семейный быт незаметно для себя уступает дорогу новому семейному быту. Он сильнее старого, потому что строится он на крепком фундаменте социалистического хозяйства. Фундамент же, на котором держится старый семейный строй, собственническое хозяйство, навсегда разрушен Октябрьской революцией, советской властью и коммунистической партией.

1. Почему после революций детей не делят на законных и незаконных?

2. Есть ли теперь родительская власть и чем она отличается от прежней?

3. Какие обязанности у родителей по отношению к детям и у детей к родителям?

1 ПО-НОВОМУ

Дмитрий Лесов, военком в полку, получил письмо.

Читал письмо, да перечитывал. И строчки были ломанные, буквы прыгающие. А слова такие важные.

Перечитывал письмо, раздумывал.

«...А еще сообщаю, что сию теперь дома и никуда не выхожу. Раньше ходила на собрания в волостной клуб, как ты мне сказывал. А теперь нельзя, пальцами на меня иные старухи да старики показывают, своим дочерям да внукам в пример ставят... «Вон собранья до чего довели девку...». А мать меня каждый день

пилит. Все к Аниське-знахарке зовет. Чтобы ребеночка, значит, не было... А я ни в жисть этого не сделаю. А батька сказал, чтобы сейчас из дому уходила. Грозится побить. Теперича, ежели да ты меня бросишь, пропащая я тогда девка. А еще тебе низко кланяюсь. Хотя бы отпросился на недельку к этому времени. Потому отец мой такой нрав имеет,—зверь лютый, и мать про него так говорит. А меня он не любит, зачем в клуб ходила. Опять тоже у него жених для меня на примете был...»

— Вот тебе и фунт изюму. У Дмитрия Васильевича и крестины на носу... Наследство... Пожалте бриться, Дмитрий Васильевич... Получите...

Сначала шутил было сам с собой, потом серьезно обдумал.

*

Через час сидел Лесов у полкового комиссара.

— Товарищ Ветров, серьезное дело.

— А ну?

— Так что отпуск понадобился... Крестины на носу...

Удивился комиссар, улыбнулся.

— А ведь вы у нас холостяком числитесь?

— И верно,—холостяк. А наследник на носу.

Потом рассказал ему всю историю.

Писал комиссар резолюцию на бумажке Лесова, грозил пальцем, смеялся.

— Только, чтоб без попа. А то и в полк не пушу.

Хохотали оба.

А дома Польке житья не было...

Отец сказал слово последнее.

— У меня в доме, чтобы не того. Досель держал, а теперь иди к нему. Моего ты согласи-
сия на это дело не спрашивала...

Глянул на Полю, зыкнул дико.

— Вон!..

Спрыгнула мать с печки, ровно молодая.

— Куда же ей, Кондратушка? Что ты это?

— Вон!..

Бегали глаза по хате огоньками злыми. Схватил обротъ с крючка.

— Кондратушка!..

Отшвырнул Кондрат старуху. Мокрой тряпкой она под лавку растянулась.

Ухватил дочку за шубенку, потащил к двери.

— Вон!..

Обдал ее вслед перегаром вонючим.

А в сенях обдало ее ветром пронзительным. На дворе мятель ей пригоршни холодной муки в лицо бросила. Глаза застлало. Побежали круги темные.

— Куда?

Шла шагами тихими, в глубокие сугробы провалилась. Без пути, без цели дорогой шла сугробною, вязли ноги, слабеющие в снежном пуху, целовала выюга холодными поцелуями в лицо разгоряченное.

Письмо последнее вспоминалось.

— Может быть...

Чем не живет человек в минуты такие?

Шла улицей пустой, дорогой сугробною.

Маячили огоньки избяные, редкие.

В хате у Лесовых без праздников—праздник.

В хате у Лесовых—светлым светло.

Полыхает огонь в печи, полыхает радость в хате Лесовых.

— Митечка приехал.

Возится старуха у печи, скворцом поет свинина на сковородке в печке, от решета с лежвинки пар столбом валит. Блины горячие ужина дожидаются.

На стене под лавкой шинель зеленоватая. На рукаве нашивка алая.

У стола на лавке—отец Митькин.

У другого края стола сам Митька.

Рядом с Митькой сестренка Анисья.

Ласточкой весенней в ухо Митьке щебечет, новости рассказывает деревенские.

— Сколько без тебя сделалось разного. Климка Вострухин, из коммунии который, с Наськой сошелся Косовой. Живут теперь. А у венца не были. А старики за это убить хотели Климку. Развращенные, говорят. Я бы теперь ни в жисть не пошла так. А вдруг и впрямь бросит? Вон с Полькой Кондратовой история вышла... Хи-хи-хи...

Митька поморщился, покраснел, спрятал свое смущение в носовой платок.

В разговор, старик вмешался.

— Угомонилась бы... егоза. Рано тебе про это. В осьнадцать лет, да про этакое... Ишь. Сама гляди, кабы чего. Мы в старину про это до свадьбы ведать не ведали... Эх, распутный народ нонча.

Застыдилась Анисья, отошла к печке матери помогать.

Насупился отец, глазами в стол уставился, ладонями голову зажал лохматую.

Дивится Митька, на отца глядя: где девалась радость первая, в глазах отца проскользнувшая.

Поднял старик глаза на сына.

— Мить!..

Удивился Митька голосу такому.

— Мить, ты что же это, сукин сын этакий?.. А? Наворочал делов на книжку отцовскую?!. Эх, ты!.. В роду у нас про такие дела не слышать было...

Пуще прежнего дивится Митька.

— О чем ты?

Скосив глаза старик буркнул.

— Не понимает...

Потом глазами сердитыми испытующими на Митьку уставился.

— С Кондратовой Полькой твой грех?

Покраснел слегка Митька от вопроса такого.

— А что такое?

— Твой спрашиваю?

Помолчал Митька немного, выпалил:

— Если бы не мой, не было бы Митьки сегодня в этой избе.

Ровно горящей головешкой старика тронуло.

— Подлец же, ты, Митька, настоящий. А еще образованный... Аль у вас у нынешних программа такая? И она же шлюха баловная... Ужель думала Василь Павловича невесткой быть?

Обидело это Митьку, разволновало.

— Нельзя же так, тятка. Надо же понятие иметь. У нас понятие теперь новое. А чем

бы, скажи пожалуйста, Поля для тебя не невестка?

Замахал старик руками, уши заткнул ладонями...

*

— У-а... а-а-а...

Не то ветер, не то кот мяукает на улице.

— Ф-ф-ф-...

Рванула вьюга, ставня оконная в стену ударила.

— У-а-а-а...

Анисья к Митьке кинулась.

— Слыхал?

— Ничего не слыхал. Ветер.

Анисья обиделась, передразнивала.

— Ветер! ветер! Здорово же ты понимаешь.

— Ну, а по твоему что?

— А по-моему, ведьма—вот что.

— Дура!

— А вот и не дура. Говорю, плачет кто-то на улице.

— У-а...

Вмешалась и старуха.

— И мне почудилось плачет.

Потом к старику.

— Сходил бы. Может, на дворе со скотиной сделалось что.

Накинул Митька шинель на плечи.

— Куда ему, метель такая. Лучше я выскочу.

Отворил дверь, нырнул в тьму белесоватую.

Плачет ведьмой лихой вьюга на улице, ставней оконной в стену бьет, в застрехе, в проулке из фартука белого ледяной крупой сыплет.

— Ой!..

Настеж дверь избяная шарахнулась.

— Мамка... Анисья... Мамка-а-а...

Вбежал в хату с чем-то, в шинель закутанным.

— Мамка-а-а...

Переполошил сестру, испугал старуху до смерти.

— Ребеночек... А что же она дура наделала?

— Что?.. Подбросили, что ли ча?..

— Не подбросила,.. Сама здесь... Ах дура этакая! Скорей... На завальне она.

Сунул комочек красный в фартук матери. С Анисьей на улицу побежал снова.

*

— Чего же ты, чудило гороховое, в избу не шла? Все равно ведь.

Кутал в одеяло самотканное гостя неожиданного, целовал украдкой от взоров отцовских бледное лицо Полино.

А на печке при свете коптилки возилась старуха с живым комочком.

— Мальчик... отогрелся, бедненький, Анисья там же возле матери терлась.

Старик по хате шагал размашисто, скрипели лапти новые, лыковые.

И когда стихло все, спросил угрюмо.

— Как же быть-то теперь, Митрий, а?

Уж не так сердито, как прежде.

— Наделал делов, прохвост, кашу заварил здоровую.

Усмехнулся Митька на слова отцовские.

— Ничего, расхлебаем помаленьку...

— В церковь не пойдешь, небось? Малое помешает.

— Вот это самое?—Митька указал рукой на печку.—Не помешает. К попу я все равно не пошел бы. А в совете я всегда успею.

Из рассказа Антона Зорского «Крапивничек».

1. Почему отец Дмитрия был недоволен, что сын его хотел жениться на Поле?

2. Почему он потом смирился?

3. Как поступил бы он, если бы это случилось в дореволюционное время?

4. Какая судьба ожидала бы ребенка Пелагеи и Дмитрия в дореволюционной России? Почему?

5. Какая судьба его ожидает теперь?

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ

СТАРЫЕ ПРИВЫЧКИ

Из предыдущих бесед мы уже знаем, что новый семейный быт у нас далеко еще не установился.

Старые порядки все еще живут в старых привычках людей, а новые порядки не успели еще укрепиться в новых привычках. От этого происходит, что закон о браке и семье, для обеспечения и защиты прав раскрепощенной женщины и ребенка, установил полную свободу брака и развода, а этой свободой нередко злоупотребляют, пользуются ею для корыстных и честолюбивых целей. Например, предприимчивый хозяйчик с кулацкими замашками женит сына, берет за невестой хорошее приданое и обращает его на поправку своего расстроенного хозяйства, а когда это сделано, выгоняет невестку, часто уже беременную, из дома, а сына женит на другой, тоже с приданым. Другой пример, берет себе кулак в жены девушку из бедняцкой семьи; все лето она, в качестве хозяйки в его семье, т.-е. задаром, работает и в поле и дома; осенью же,

когда она, как работница, становится ненужной, муж выгоняет ее из дому ни с чем.

Наблюдаются случаи использования в корыстных целях закона об алиментах при разводе (содержание ребенка его отцом в случае развода). На этот раз искатель легкой наживы женится на женщине, у которой есть ребенок, получающий содержание от отца, бывшего мужа этой женщины; по достижении ребенком 16-летнего возраста, получение им содержания от отца прекращается; тогда муж прогоняет от себя и жену и ее ребенка и ищет себе другого способа жить на чужой счет.

Бывают случаи, когда свободой брака и развода пользуются не для целей наживы, а для удовлетворения тщеславных и честолюбивых стремлений. Например, крестьянин, выдвинувшийся на какой-либо высокий пост (член уисполкома, завземотделом и др.), начинает чуждаться своей жены-крестьянки; считает, что ему теперь нужна жена не «деревенская», а «городская», которая ходит в шляпке и красит щеки и губы; он разводится с «деревенской» женой и женится на «городской», несмотря на то, что прожил с прежней женой 10—15 лет и за все это время мысль о разводе ему и в голову не приходила.

Наблюдаются случаи и чисто хулиганского порядка: под видом брачного союза мужчина пользуется женщиной очень короткое время, а затем

бросает ее и заводит себе другую, тоже на время.

Случаев использования советского закона о браке с корыстными целями можно указать много и в городском и в крестьянском быту. Что же является причиной этого? Конечно не то, что советский закон о браке и семье никуда не годен, как думают люди, мало сознательные или враждебно относящиеся к советской власти, а то, что множество людей не отрешились еще от тех привычек, которые воспитал в них старый, собственнический строй хозяйства. Он приучил людей из всего извлекать личную выгоду, заботиться только о личной наживе и не считаться с интересами других людей. Надо в первую очередь заботиться о том, чтобы увеличить свою собственность, окружить себя почетом и уважением, устроить свою жизнь так, чтобы как можно меньше работать и как можно больше времени проводить в праздности и удовольствиях,—так приучил людей понимать жизнь старый строй жизни. Но «от трудов праведных не наживешь палат каменных», за счет личного труда легкую жизнь не устроишь, ее можно устроить только за счет труда других людей: одного заставить за дешевую плату работать на себя, другого вовлечь в невыгодную для него и выгодную для себя сделку, третьего просто обмануть и т. д.,—так приучал людей старый строй жизни понимать

отношение к человеку. И вот люди, в которых крепко еще держится собственническое понимание жизни и собственническое отношение к человеку, злоупотребляют теперь законами о браке и семье.

Новый хозяйственный строй жизни развивает в людях совсем другие привычки. Он приучает людей жить только личным трудом и не пользоваться другими людьми для личной наживы.

По мере того, как хозяйственный строй будет крепнуть, новые привычки будут сильнее укореняться в людях. В конце-концов они вытеснят старые привычки. У старых привычек не осталось уже питавшего их корня,—собственнического хозяйства, поэтому они обречены на гибель. Но это не значит, что с ними не нужно бороться. Нельзя допускать, чтобы в угоду своим дурным наклонностям люди извращали закон и пользовались им для достижения своих корыстных целей. Бороться с корыстным использованием закона о браке и семье можно прежде всего через суд. Ни одного случая злоупотребления свободой брака и развода не следует оставлять безнаказанным. Например, хозяйчик-кулак взял в жены девушку только за тем, чтобы на время страдной поры получить даровую работницу, а потом бросил ее. Обманутая девушка имеет полную возможность, обратившись в суд, так проучить обманщика, что он уже не повторит своей

проделки, да и у других пропадет охота поступать так. Станет ясно, что на таком деле не выгадаешь, а прогадаешь. Нанять работницу было бы гораздо дешевле, чем выплачивать по решению суда алименты прогнанной жене или выделить ей часть имущества крестьянского двора, которая полагается ей, как вышедшей из состава двора. Однако одного воздействия через суд для борьбы с злоупотреблением закона о браке недостаточно. Лечить болезнь хорошо, но еще лучше и гораздо полезней предупредить болезнь. Мы уже видели, что причиной злоупотребления законом о браке является наследие старого хозяйственного строя. Надо и самому ясно понять и другим раз'яснить, что этого строя уже нет, а что новый хозяйственный строй жизни требует и нового отношения к людям. Он запрещает пользоваться трудом человека для личной наживы, запрещает смотреть на жену, как на рабыню в семье или как на временную любовницу, которую по капризу можно безнаказанно бросить или сменить на другую, он заставляет отца содержать своего ребенка при каких бы условиях ребенок не родился. Надо понять и раз'яснить другим, что старое отношение к людям уже потеряло связь с жизнью, что оно уже не больше, как дурная привычка, от которой надо как можно скорее отвыкнуть, потому что она не находит себе ни опоры в жизни ни защиты в законе. И чем больше людей поймут

это, тем меньше будет злоупотребления установленной нашим законом свободой брака и семьи, тем скорее искоренятся старые привычки прошлого,—недалекого, но навсегда уже исчезнувшего.

1. Какие, кроме приведенных в этой беседе, вы знаете случаи злоупотребления свободой брака и развода?

2. Почему чаще всего злоупотребляют свободой брака и развода крестьяне?

3. Как нужно бороться с злоупотреблениями свободой брака и развода?

4. Может ли злоупотребление свободой брака и развода укорениться в новом быту? Если нет, то почему?

СОРВАЛОСЬ

... Разбирается дело по иску Татьяны Зуевой к Петру Кузьмину о содержании ребенка.

— Истица Татьяна Зуева!

К судейскому столу подошла молодая крестьянская девушка. Лицо красивое, бледное, измученное. На глазах слезы.

— Я,—едва слышно произносит она.

— Ответчик Петр Кузьмин!

— Здесь!—громко отзывается Кузьмин. Он подходит к столу молодцевато и шумно.

— Свидетели Кирилл Лукин и Демьян Суворов!

— Здесь!

Все трое: и ответчик и свидетели, имеют такой вид, словно пришли не в суд, а в кино посмотреть забавную картину.

Председатель суда удаляет свидетелей и читает исковое прошение. Истица Татьяна Зуева жалуется, что Петр Кузьмин, прожив с ней, как с женой, шесть месяцев, бросил ее беременную и сошелся с другой. Теперь у истицы родился ребенок. Ответчик отказывается содержать его. Сама же она содержать ребенка не в силах. Она единственная в семье работница. Мать ее умерла в прошлом году; отец часто прихварывает, а брат четырнадцати лет еще не работник. Истица просит суд обязать ответчика содержать ребенка.

— Поддерживаете ваш иск?—обращается председатель к Татьяне.

Татьяна, закрыв лицо передником, тихо всхлипывает и едва слышно произносит:

— А как же?.. надо его поить—кормить...

— А вы что скажете?—спрашивает председатель Петра.

— Гулял с ней... Действительно... против ничего не могу сказать... признаю...

— Что значит гулял?.. Вы жили с ней?.. Как с женой?..

— Жил.

— Долго?

— Месяцев шесть крутились...

— Почему вы бросили ее?..

— Характером не сошлись,—объясняет Петр и окидывает судей победоносным взглядом.—«Что, мол?.. получили?.. Теперь не то, что прежде; теперь—хочу живу с бабой, хочу брошу—моя воля».

— Вы знаете, что по закону вы обязаны содержать своего ребенка?

— Знаю... конечно... мы знаем это... Только, гражданин судья, по закону я должен содержать своего ребенка, а тут... кто его знает чей он?..

— То-есть как это? Вы же сами признаете, что жили с истицей.

— Гуляли мы... И я гулял с ней, и другие гуляли... Чей же теперь ребенок?.. Кабы я один жил с ней, а то ведь не один я... Какое же тут содержание?.. Этого в законе нет...

У Петра был такой вид, какой бывает у циркового борца после того, как он положил противника на обе лопатки.

А Татьяна не знала, куда деваться ей от стыда.

— Врешь!—закричала она.—Не было этого! Ни с кем я, окромя тебя, не жила!.. Врешь!..—И зарыдала, закрываясь передником.

— Успокойтесь, гражданка, успокойтесь!.. Суд разберет,—утешал Татьяну председатель.—Сядьте вот здесь, на лавку... Суд сейчас разберет...

Председатель продолжал допрашивать Петра:

— Вы можете доказать это?

— Есть свидетели. Прошу допросить.

— Позовите свидетелей,—распорядился председатель.

Вошли Кирилл и Демьян. Татьяна их хорошо знает. Это—Кирюшка и Демка, на одной фабрике с Петром работают; только из другой деревни. Первые гуляки и заводиловцы там. Часто кутили с Петром. Два раза и она была при их попойках—раз Петр справлял именины, а другой раз спрыскивал прибавку жалования. Но так было противно, что оба раза она ушла, не досидев до конца, хоть и больно любила послушать, как Петр играет на гармошке. Кроме этого ничего

не было. Что же они могут сказать суду? Как ни напрягала Татьяна мысли, копаясь в прошлом, ничего не могла припомнить, даже намек на измену Петру.

— Что вам известно по этому делу?—спросил председатель Демьяна.

Демьян ответил, не размышляя, без запинки, как школьник отвечает вызубренный урок:

— У меня была с ней связь.

— А вы, что скажете?—обратился председатель к Кириллу.

— У меня тоже,—отчеканил Кирилл.

Татьяна ушам своим не верила. Стыд, обида, возмущение, негодование горячей волной ударили ей в голову. Она вскочила со скамьи. Собиралась протестовать. Но не могла подыскать подходящих слов. Те, что приходили в голову, были слишком незначительны. Чувствовала, что нужны были такие слова, чтобы больно ударить и по Петру, и по Демке, и по Кирюшке и чтобы сразу стало ясно, что они клеветают на нее... Судорожно дрожащими руками комкала передник... Порывисто и тяжело дышала...

— Сядьте!—обратился к ней председатель, заметив ее волнение.—Вам будет дано слово, когда придет ваша очередь.

Затем опять к свидетелям:

— Вы утверждаете, что были с истицей в связи в то время, когда она жила с Петром Кузьминым?

Оба, не моргнув глазом, ответили:

— Утверждаем...

— Суд удаляется на совещание,—объявил председатель.

Судьи ушли.

Татьяна так и не успела подыскать подходящих слов. Не знала, куда деваться от стыда. Бессильно опустилась на скамью. С'ежившись, дрожала от волнения, ожидая решения суда.

Петр с товарищами вышел покурить во двор. С видом победителя попыхивал папирской. Их делом заинтересовались многие из публики, густо заполнявшей маленький двор.

— Здорово!—ободрял их молодой парень с вихром на лбу и шапкой на бекрень. Он понял фокус, придуманный Петром. В голове его вертелся образ Кати, которую он не соблазнил только потому, что боялся алиментов. «Теперь не увернется»—думал он и улыбался во весь рот.

— Поди-ка теперь повертись...—пояснял ему Петр,—с тремя путалась... значит гулящая... публичная... и нечего тебе приставать к честным людям... нечего зря суд беспокоить... Мы тоже ведь не лыком шиты... посоветовались... консультацию имели...

— Где же это?—любопытствовал парень в шапке на бекрень.

— Где?.. есть у нас такой... ходатай по делам...

— Никитинский, частный поверенный..—подсказал пожилой горожанин, судящийся за побои жены.

— Он самый...—подтвердил Петр.

— Дока! Спец!.. Бывало ни один присяжный адвокат против него не суйся... Изничтожит!.. перышки полетят!

— Вот то-то и оно,—продолжал Петр,—а нынешние что?..

Звонок в зале возвестил о выходе суда. Вошли в зал. Председатель читал решение суда.

Длинная мотивировка. Решение коротко и ясно. Суд признал Петра Зуева отцом ребенка и обязал уплачивать установленную часть заработка на его содержание.

Татьяна была вне себя от радости. Радовалась не столько оттого, что присудили содержание, сколько оттого, что суд признал Петра отцом ребенка. Суд понял проделку Петра. Он понял, что Петр, Демка и Кирюшка клеветают на нее по сговору. Им не поверил, а ей поверил.

Суд приступил уже к разбору следующего дела, а Татьяна все еще стояла, не двигаясь с места, словно окаменела... Слезинки дрожали на ее ресницах...

Опомнилась от звонкого полушопота делегатки Вари, ее подруги и советчицы в этом деле.

— Будет уже! Идем!.. Я была по делам в исполкоме и забежала сюда... Знаю, что сегодня судишься...

— Сейчас расскажу... Дай опомниться...

— Без тебя все знаю... Слышала, как шла через двор... Петька там бахвалился... Таким голем ходил... Победитель, мол... А сейчас, глянь... Вон с Кирюшкой и Демкой стоит у притолоки... Куда что девалось... Курица общипанная!..

Проходя мимо Петра, Варя наклонилась к его уху и ехидно бросила:

— Сорвалось, паря...

И залилась звонким задорным смехом.

Рассказ А. Седого.

1. Почему Петр был уверен, что выиграет дело?
 2. Почему он проиграл его?
-

СОДЕРЖАНИЕ

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

	<i>Стр.</i>
От старой семьи к новой	5

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Брак в старой России	10
--------------------------------	----

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

Новый брак	16
Паранька. Рассказ Антона из Лисьих гор	21

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

Жена—рабыня	24
Баб учат. Из рассказа П. Орешина	28

БЕСЕДА ПЯТАЯ

Жена—свободная гражданка	32
Бабы учат. Из рассказа П. Орешина	37
Ленинка Саша. Из «Рабочей Москвы»	41

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

Дети в старой семье	43
Родительская власть. Из рассказа А. Богданова	48

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ

Дети в новой семье	53
По-новому. Из рассказа А. Зорского	59

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ

Старые привычки	67
Сорвалось. Рассказ А. Седого	72

Изд-во „Долой Неграмотность“

МОСКВА, Кузнецкий пер., 4. Телефон 1-86-97.

Д-р Э. Конюс.—Глисты. 1926 г. Стр. 24. Ц. 16 к.

Д-р Э. Конюс.—Что нужно знать матери-крестьянке. 1926 г. Стр. 39. Цена 12 коп.

С. Игумнов.—Роды и уход за роженицей. 1926. Стр. 31. Цена 12 коп.

А. Генс.—Как организовать летние ясли в деревне. 2-е изд., испр.—1926. Стр. 36. Ц. 18 к.

Крестьянка на фронте борьбы с неграмотностью. 2-е испр. изд. 1926. Стр. 32. Ц. 15 коп.

А. С. Калыгина.—Крестьянка в браке и семье. 2-е дополненное издание. 1926. Стр. 37. Ц. 18 к.

П. Лежнев-Финьковский.—Крестьянка в сельском хозяйстве. 2-е издание. 1926. Стр. 56. Ц. 25 к.

Е. Кравченко.—Крестьянка в сельскохозяйственной кооперации. 2-е испр. издание 1926 г. Стр. 44. Цена 20 коп.

А. Лебедев, В. Поляков и И. Устинов.—Новая крестьянка. 1926. Стр. 95. Цена 45 коп.

Н. Крупская.—„Всем крестьянкам“. Стр. 12. Цена 5 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Торговый Отдел Изд-ва «Долой Неграмотность» — Москва, Сретенка, 8. Тел. 1-86-97.

МАГАЗИНЫ

„Красная Новь“ —		„Долой Неграмотность“ —
Москва, Сретенка, 8.		Москва, Кузнецкий пер., 4.
Тел. 5-06-31.		Тел. 1-87-32.

Отделения и представительства:

Ленинград, ул. Плеханова, 8. Харьков, ул. Свободной Академии, 5.
Ростов и Дону.—Апк. О-во „Международная Книга“ ул. Энгельса, 101.
Свердловск—УралОДН, Набережная Труда, 2. Саратов—Саргуб-
простор, Никольская улица, 16. Иваново-Вознесенск—Издательство
„Основа“, ул. Красной армии, 4.

Изд-во „Долой Неграмотность“

МОСКВА, Кузнецкий пер., 4. Телефон 1-86-97.

К новому быту. Сост. Г. Энтина. С 6-ю рис. 2-ое издание, испр. и допол. 1927 г. 48 стр.

8-ое Марта—Международный женский день. Сост. З. Шамурина. 1926. Стр. 64. С 12-ю рис. Цена 35 коп.

Женщина начинает жить по новому. По рассказам Неверова и Дорохова. 1925. 2-е испр. и доп. изд. Цена 20 коп.

В защиту прав матери и ребенка. Сост. Г. Энтина. 1925. Стр. 48. Цена 25 коп.

Долой религиозный дурман. Агит-сборн. ГПП. Под ред. Н. Масленикова. Стр. 158. Ц. 75 к.

С. Файнблит.—Революционная законность лицом к деревне. Стр. 25. Цена 9 коп.

И. Г. Верещагин.—Народный суд. (С образцами прошений и жалоб). 1925. Стр. 48. Ц. 15 к.

И. Боговой.—На борьбу за здоровую советскую деревню. 1925. Стр. 29. Цена 10 коп.

С. Незлин—О вреде курения табаку. 1926 г. Стр. 59. Цена 15 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Торговый Отдел Изд-ва «Долой Неграмотность»—Москва, Сретенка, 8. Тел. 1-86-97.

МАГАЗИНЫ

„Красная Новь“ —		„Долой Неграмотность“ —
Москва, Сретенка, 8.		Москва, Кузнецкий пер., 4.
Тел. 5-06-31.		Тел. 1-87-32.

Отделения и Представительства:

Ленинград, ул. Плеханова, 8. Харьков, ул. Свободной Академии, 5. Ростов и/Дону, — Аки. О-во „Международная Книга“ ул. Энгельса, 101. Свердловск—УралОДН, Набережная Труда, 2. Саратов—Саргуб-просторг, Никольская улица, 16. Иваново-Вознесенск—Издательство „Основа“, ул. Красной армии, 4.

15957

Цена 30 коп.

К

52

59

из

ИЗД-ВО „ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ“
Москва, Сретенка, 8. Ленинград, ул. Плеханова, 8.

МАГАЗИНЫ В МОСКВЕ:

„ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ“ || „КРАСНАЯ НОВЬ“
Кузнецкий пер., 4. Телеф. 1-87-32. || Сретенка, 8. Тел. 5-06-31.

